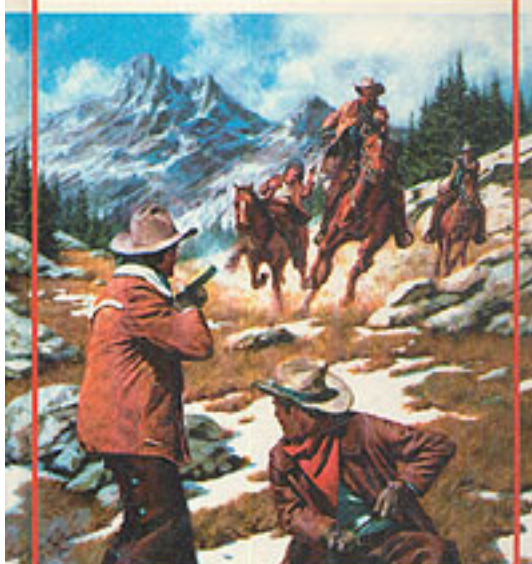

 ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
НАЕМНИК

Макс Брэнд

Наемник

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Наемник / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

Герои вестерна Макса Брэнда «Наемник» выясняют отношения при помощи оружия, чтобы положить конец девятилетней вражде двух семейств.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Макс Брэнд

Наемник

Глава 1

Кто может скакать верхом и стрелять?

Сидя в седле, он казался очень высоким, крепким и широкоплечим, и поэтому никто не задавал вопросов, почему он выбрал такую же мощную лошадь с широкой спиной. Для такого веса требовалось настоящее выючное животное. Однако, когда он спешился, бездельники, торчавшие на веранде отеля в Петервилле, с удивлением отметили, что он выше среднего роста не более, чем на пару дюймов. Господь снабдил его достаточно короткими ногами, и поэтому все дюймы приходились на ту часть тела, которая располагалась выше пояса.

И все же в нем было нечто такое, что заставило всех через пару секунд считать этого человека весьма примечательной фигурой. Широкие плечи венчала правильной формы благородная голова с потемневшим от загара лицом, иссеченным шрамами жизненного опыта. Если он опускал глаза, его лицо казалось печальным, однако, когда он поднимал их, все отмечали живой блеск того глубинного, внутреннего огонька, который является бесконечным источником изобретательности, способности видеть любого насквозь, и это сразу поднимало его рейтинг по оценкам зрителей гораздо выше. В конечном итоге в мудрости этого человека даже не возникало никаких сомнений. Но добра ли и человечна эта мудрость? Вопрос уже совсем другой, словом, насчет него любой мог сделать тысячу различных предположений с полной уверенностью в своей объективности.

На вид ему было лет сорок, может, и сорок пять – годы не наложили тяжелого отпечатка на его закаленное трудом тело. Без всякого сомнения, в приезде хватало сил и конечно же активности.

Зевакам сразу же предоставился хороший шанс обменяться замечаниями, поскольку после дружелюбного приветствия незнакомец сразу же повел своего пони и привязанного к нему сонного, пошатывавшегося мерина за угол, пытаясь найти конюшню. Тем не менее даже в его отсутствие все продолжали говорить только приглушенным шепотом и при первом звуке его шагов застыли и обменялись виноватыми взглядами.

Он возвращался, тихо насвистывая и выбивая едкую пыль из штанов древком плети. Поднявшись по лестнице, выбрал стул в самом продуваемом углу веранды, ослабил цветастый платок, повязанный вокруг глеи, достал короткую черную трубку, набил ее и закурил. За все это время он не произнес ни единого слова. Но в его молчании не чувствовалось ничего враждебного или мрачного – напротив, судя по виду, незнакомец добродушно признавал присутствие окружающих. Обежав взглядом сквозь облако сигаретного дыма их лица – по две секунды внимания на каждое, – он переключился на поселок, а затем с блесвевших под солнцем крыш – на голые далекие горы, возвышавшиеся над раскаленным маревом.

День выдался действительно очень жарким. Попадая на веранду, никто не спешил оставить спасительную тень, ибо солнечные лучи опаляли кожу даже сквозь одежду и извергали потоки пота из-под шляп и повязок. Никто не осмеливался задерживаться в этом ослепительном взрыве света. Какая-то дворняга, пытавшаяся принять солнечную ванну в пыли, быстро вскочила и затрусила в тень, где блаженно растянулась, высунув язык и тяжело дыша. Ковбои, сидевшие на веранде, время от времени шевелились и потягивались, то надевая, то снимая шляпы и тихо поругиваясь. Иногда они скручивали сигареты, но потом тушили их, докурив до половины. Иногда доставали револьверы, хмуро демонстрируя решительность, и тогда их

голоса становились громкими и резкими и по округе разносились привычные не для каждого уха слова. Иногда кто-нибудь поднимался и делал попытку приблизиться к краю веранды, добродушно поругиваясь: «Чертова моя страна!» Однако никто из них не выходил на солнце и даже самый нетерпеливый прекрасно понимал, что лжет. Эти люди любили сухой жар гористой пустыни, ее огненное тепло, которое не даст вам отдыха днем и будет жарить ваши нервы, превращая их в рваные веревки, и иссушать разум и тело.

Но сейчас все разговоры, рассказы и даже ссоры прекратились, жестами тоже никто не обменивался. Широкоплечий чужак тоже молчал, застыв на своем стуле. Он спокойно курил и смотрел вверх сверкавших крыш деревни, хотя и ребенку было ясно, что этот человек занят только собственными мыслями и никак уж не далекими горами. Но остальные ощущали силу этого молчания и все больше и больше желали нарушить его и заставить пришельца заговорить. Изборожденное морщинами лицо свидетельствовало о знакомстве со всеми чертями в аду. Живые, острые глаза добавляли, что все удовольствия мира также не прошли мимо внимания их обладателя. Бесспорно, он представлял собой настоящий клад для изнывавших от жары и скуки мужчин. Когда же он начнет говорить?

В конце концов, Перкинс, самый старший из присутствовавших, придвинул свой стул поближе к незнакомцу.

– Похоже, что вас занесло сюда из Бренан-Спрингс? – предположил он и неуверенно замолчал, не вполне убежденный, что подобное безыскусное приглашение расшевелит человека, абсолютно не настроенного на болтовню.

Как ни странно, незнакомец сразу же ответил удивительно мягким басом – такой голос обычно любят дети и лошади.

– Да, я действительно приехал из Бренан-Спрингс.

Тем не менее он не стал развивать беседу и объяснять цель своего путешествия или причину приезда, не разразился анекдотом, не принялся рассказывать о людях и событиях. После короткого ответа он опять замолчал, правда, на этот раз его взгляд оторвался от гор. Он витал прямо над головой Перкинса спокойно и уверенно, свидетельствуя лишь о том, что незнакомец опять погрузился в свои размышления.

Это спокойное пренебрежение – довольно вежливое пренебрежение, если можно так сказать, – заставило Перкинса покрыться потом и передернуться.

– Когда-то я знал кучу народа в Бренане, – продолжил он. – Вы давно живете там?

– Нет, не очень.

– Но вы, вероятно, встречались со стариком Витеро. Он всегда торчит у кузницы. Торчал там двадцать лет назад и будет торчать через двадцать лет, ни на каплю не постарев. Вы его помните?

– Едва ли, – ответил незнакомец, выныривая из медитации и весьма любезно соглашаясь поболтать. – Я помню только одного человека в Бренане – он единственный достойный внимания парень.

– И кто же это?

Все головы как по команде повернулись к приезжему. Как будто в их мудрых мозгах одновременно пронеслось одно и то же яркое воспоминание.

– Такой крупный молодой джентльмен. Его звали... как это... О, его звали Келли.

– Не Джек ли Келли? – воскликнуло сразу около десятка голосов, и каждый из присутствовавших пожелал показать свое тесное знакомство со знаменитостью. Затем все повернулись и улыбнулись друг другу, как довольные дети.

– Да, да. Его звали Джек Келли, – спокойно подтвердил незнакомец. Он уже начал терять интерес к разговору и медленно возвращался к своим раздумьям, однако, когда к нему обращались, его глаза вспыхивали сквозь завесу грусти, невероятно живые и чуткие.

– Как там старина Джек? – спросил один парень, самый молодой на веранде. – Как он поживал, когда вы встретили его в последний раз? Небось с кем-нибудь дрался или приударял за очередной красоткой. А может, угонял пару лошадок?

– Не замечал за ним ничего подобного, – ответил мягкий голос. – По крайней мере в последний раз, когда видел его.

– Что же он делал?

– Пытался заснуть.

Раздался взрыв смеха, как будто прозвучала отличная шутка. Воистину, когда градусник заползает далеко за сотню по Фаренгейту, народ так же легко рассмешить, как и разозлить.

– Джек торчал в постели, а?

– Да, именно в постели.

– Странно, очень странно. Обычно Джек последним заваливается на боковую и первый вскакивает по утрам.

– Он изменился, – загадочно махнул рукой незнакомец. – Теперь в основном проводит время в постели.

– Что ты мелешь? Наверное, ему здорово перепало.

– Похоже, так, – пожал плечами приезжий с прежним невозмутимым спокойствием. – Но док говорит, что он выкарабкается – разве что в одном-двух местах кости неправильно срастутся...

Последовала пауза, а затем раздался хор голосов:

– Кто это сделал?

– Мой конь, – ответил он, сияя глазами, – старый вороной конь, которого я вел.

Последовал общий вздох, и глаза метнулись в сторону, словно они могли увидеть в новом свете старого, длинного вороного мерина, исчезнувшего за углом.

– Наверное, он попал под копыта? – предположил Перкинс.

– Нет, он ехал верхом.

Опять наступило молчание.

– А затем Джек Келли в конце концов свалился! Наверное, плохо затянул подпругу, идиот.

– Не затянул подпругу? Ты ошибаешься, дружище. Наверное, мы говорим о разных ребятах. Когда Джек Келли пытался оседлать Воронка, он хорошо затянул подпругу, да так хорошо, что я еще никогда не видел, чтобы человек мог так ее затягивать. И тем не менее он вылетел из седла.

– Наверное, он выпил, – предположил Перкинс.

– Трезв был как стеклышко, браток. Совершенно точно – трезв как стеклышко и настроен на драку, но оказался недостаточно хорошим наездником для старого доброго Воронка. Однако он неплохо поездил.

– Зачем же Джек полез на твою лошадь?

– Ну, – вздохнул незнакомец, – это довольно длинная история.

Из толпы послышался одобрителный ропот, ропот удовлетворения. Именно такой истории все и ждали. Но пришлось подождать еще, пока широкоплечий человек снова набил и поджег свою трубку и очень медленно начал рассказ, отмечая особо важные моменты облаками белого дыма.

– У меня есть партнер, который вечно со всеми спорит. Подобного трепача вы, наверное, не встречали ни разу в жизни. Если дело касается его точки зрения... И для него не имеет значения – прав он или нет. Стоило кому-нибудь бросить слово, как мой друг начинает ломать голову и кусать губы в поисках хорошего способа не согласиться. А затем его прорывает и он начинал говорить так быстро и легко, что ему всегда удается устроить собеседнику западню,

да так ловко, что тот и не подозревает о ней. Такой вот парень. Мы любим поболтать, и его был меня частенько развлекает. Иногда я просто слушаю, а он говорит.

– Ты терпеливый парень, – отметил Перкинс, хихикнув. – Такой, как ты, смог бы запросто жениться на женщине с длинным языком.

– Да, я кажусь терпеливым, и я действительно терпеливый, – согласился широкоплечий, глядя в землю, – но спустя некоторое время – несколько долгих лет – я не выдержал и сказал себе: «Когда он начнет спорить в следующий раз, я обведу его вокруг пальца, и он никогда не забудет моего урока. Я втравлю его в спор и заставлю проиграть». – История приближалась к самому интересному месту, и все собравшиеся на веранде отметили это дружным наклоном вперед. – Через пару дней, – продолжал незнакомец, – я застал моего приятеля за разговором о револьверах и лошадях.

«Скажи-ка, дружище, – говорю я ему. – Тебе не кажется странным, что большинство даже крутых парней не умеют как следует обращаться с оружием, хотя все, что от них требуется, – это совместить прицел и цель, а затем потянуть маленький крючок – только и всего».

«Станным? – мгновенно вспыхнул он. – Ничего странного. Выбирай любую цель, и я где-нибудь да разыщу парня, который попадет в нее с нормального расстояния».

«Не верю», – отвечаю я.

«Ты чемпион по сомнениям, – говорит он. – Тебя хлебом не корми, только дай покопаться в любой вещи с изнанки».

– Он, наверное, знает тебя достаточно хорошо, чтобы разговаривать таким образом, – предположил чей-то голос.

– Он? О, мы относились друг к другу как братья. Кроме того, я не очень большой задира. И не стану размахивать револьвером только потому, что кто-то сказал мне пару резких слов. Это не для меня. Мне, черт побери, еще хочется пожить.

Незнакомец заявил об этом так искренне и просто, что остальные некоторое время безмолвно смотрели на него с открытыми ртами, как на монстра, непонятно каким образом попавшего в этот мир. Даже кто-то презрительно фыркнул – так крепкие ребята обычно встречают труса, однако в конце концов почти на всех лицах застыло выражение особого недоверия. Ведь что бы ни наговаривал на себя этот парень, выглядел он абсолютно бесстрашным.

– Как бы там ни было, – продолжал незнакомец, – мой приятель еще больше вышел из себя, когда я добавил, что на свете существуют лошади, с которыми даже опытные наездники не сладят, – настоящие обученные брыкающиеся жеребцы. Тут я попал в десятку.

«Попробуй найти лошадь, которую кто-нибудь не сумел бы объездить, – взорвался мой приятель. – Тогда и поговорим. Что бы ты не утверждал голословно, возьми своего коня и в течение месяца прогуляйся по всем окрестным городам, и можешь быть уверен – где-нибудь и твоя цель будет поражена, и твоя лошадь укрощена».

«И все в одном городе?» – подтолкнул я его.

«Несомненно».

– Тут он и попался!

«Спорю на тысячу, что я не найду парня, который поразит мою цель и проедется на моей лошади, пусть даже буду упорно ездить целый месяц по всем городкам штата».

– Итак, путь назад оказался отрезан. У парня хватает гордости. Он согласился на пари, и я приступил к приготовлениям. Прежде всего я достал лошадь, действительно вредную, как видите, научил этого жеребца всевозможным трюкам и теперь не сяду на него и за десять тысяч. Образованный брыкач – это вам не шутка. Он уже имел двухлетний опыт, прежде чем попал мне в руки, ну а я научил его по-настоящему ненавидеть людей, так что бедная скотина на все сто уверена, что любой человек – убийца.

Затем я подобрал цель. Если подумать, не очень сложную. Просто доска. Если она находится на расстоянии тридцати шагов и в нее всадить шесть пуль из оружия 45-го калибра, то

мы получим две аккуратные половинки. Но пули должны войти точно по линии одна к одной, иначе верхняя половинка не упадет. Понимаете?

Слушатели издали очередной вздох, очевидно, подумав, что подобная штука абсолютно невозможна. Тридцать шагов – приличное расстояние для револьвера, чтобы вообще поразить малую цель, а шесть пуль в одну линию, да так, чтобы отверстия перекрывались... Тут требуется какой-нибудь волшебный стрелок.

– Полагаю, вы так и не нашли человека, который разрубил бы таким образом доску на две половинки?

– Нет, – ответил незнакомец. – Один парень стрелял целый час. У него твердая рука, и всаживал он пулю за пулей довольно неплохо, доска накренилась после шестого выстрела. В конце концов она отломилась под собственным весом. Тем не менее я согласился, что доска разделана по правилам, чтобы приободрить стрелка. Его звали Сэнди Лоусон из Кроуз-Нест, прекрасный стрелок.

– Я слышал о нем, – кивнул Перкинс. – Сэнди творит чудеса с оружием. Я не встречал никого лучше. Но полагаю, что он более способен в стрельбе по мишеням, чем в драке.

– Если вспомнить о времени, которое ему потребовалось для того, чтобы прицелиться и выстрелить, – согласился незнакомец с тонким намеком на смешок. – Вы подумали о том же, что и я. Настоящий боевой стрелок должен быть быстрым. Тут ничего не поделаешь. Каждая цель для него – это враг, и он стреляет молниеносно – чтобы убивать. Вот такую работу оружия я и хотел бы увидеть! – На этой фразе он вдруг клацнул зубами, а его глаза вспыхнули. На мгновение из-под маски мягкой покладистости выглянуло настоящее лицо, и это заставило присутствующих поморщиться и переглянуться. А через мгновение чужак снова улыбался. – Но в Кроуз-Нест не нашлось человека, который смог бы удержаться на Воронке. Поэтому я не очень испугался, что проиграю пари. До конца обговоренного месяца осталась одна неделя, и если в Петервилле не встречу одного или двух подходящих парней, то я выиграю.

После такого намека на вызов последовало долгое молчание.

– А что получит парень, который располовинит доску или удержится на коне? – осторожно спросил один из молодых людей.

– Ничего, – ответил незнакомец. – Абсолютно ничего. В награде нет необходимости. Но город, в котором найдется два таких молодца, станет знаменитым, и о нем узнают во всех остальных городах штата. Поэтому везде посылали своих лучших стрелков и наездников на соревнование. Пока впереди всех Кроуз-Нест. Но вдруг окажется, что в Петервилле есть мастера получше. Кто знает? Вы, ребята, по виду здоровые парни. Может быть, кто-нибудь из вас захочет попытать счастья? Я задержусь здесь до завтрашнего утра. Обсудите все и решите. Если у вас возникнет желание попрактиковаться на цели, не стесняйтесь. Эта доска в заборе по ширине соответствует моему образцу. Отрезаете нужные одинаковые части и тренируетесь на здоровье. Когда вам покажется, что вы способны выполнить условленный трюк, позовите меня. Я приду и посмотрю. Вы не получите награду, но заработаете кучу славы, и вам это ничего не будет стоить, разве что нескольких пуль. Пока. Я, наверное, зайду в ресторан и перекушу что-нибудь.

Глава 2

Петервилл созывает лучших

Они проводили его взглядами вдоль всей веранды. Когда чужак исчез за дверью, их головы так и остались повернутыми в этом направлении.

– Хитрый черт! – выдохнул Перкинс. Он настолько точно выразил мнение остальных, что комментариев больше не понадобилось. – А еще гордится тем, что не задира! – продолжил Перкинс. – Вы слышали, как он говорил о револьверах и настоящем боевом стрелке? Я наблюдал за ним довольно пристально и заметил голодный взгляд – такие взгляды мне частенько встречались во времена, когда в наших краях слонялось множество крутых парней. В те дни в салунах случалось столько перестрелок, сколько сейчас зажигается спичек. Одно слово, бах, трах – и кто-то уже скорчился на полу, а кто-то отступает к двери и советует остальным не преследовать его – иначе их тоже нафаршируют свинцом. Да, ребята, у них был такой же взгляд, пусть и на одно мгновение.

– Наверное, он злой человек? – рассудил один из присутствующих.

– Сомневаюсь, – покачал головой Перкинс. – Все, что я понял – он не обычный парень. Мне кажется, что приключений не ищет, но если сталкивается с ними, то знает, как их встретить. Причем ему известно довольно много способов, как себя вести в трудной ситуации. Ну, кто из вас собирается рассадить доску пополам и объездить дикую лошадь?

– Если Джеку Келли не удалось... – начал один. – Должен сказать, что я всегда считал Джека лучшим, и мне не стыдно отказаться от попытки, если сам Джек не справился.

– Я не имел в виду тебя, – торопливо продолжил старый Перкинс, – я не имел в виду никого. Я только предложил, что в Петервилле должна найтись парочка парней, которые имеют шанс попытаться. Иначе над нами будет смеяться вся округа. А для того чтобы заставить человека повесить нос или ползть в драку, не надо больших усилий, достаточно одной насмешки. Поэтому нам придется поискать и найти самых лучших.

– Чтобы эта чертова лошадь переломала им все кости? – проворчал один из ковбоев. – Я считаю, пора разобраться с этим парнем, что бродит по городам и пытается свернуть шеи самым лучшим!

Перкинс поднял руку и ткнул пальцем в строптивца.

– Послушай меня, сынок, – спокойно возразил он. – Если ты выступаешь подобным образом, то лучше говори потише. Не дай Бог он услышит. Может, этот незнакомец и не отъявленный негодяй, но добродетели в нем явно не море. И тот, кто станет поперек его дороги, заработает достаточно неприятностей, и, вероятно, надолго. Нет, ребятки, нам придется вместе пошевелить мозгами и найти выход из положения. Вдруг у кого-нибудь что-то получится. Так кто же этот смельчак?

– Молодой Прайс хороший стрелок! – крикнули из угла.

– Но он слишком молод. У него еще не окрепла рука. И все же, наверное, ему стоит попробовать.

– У Ивинга живет мексиканец, который прилично управляется с револьвером.

– Пусть попытается. А что насчет лошади?

– Андерсон Крик?

– Куда ему до Джека Келли. Я видел их на состязаниях прошлой осенью. Келли запросто разделал его.

– Тем больше он будет стараться, когда узнает, что лошадь Келли не одолел. А как насчет Джоша Кларка?

– Бедняга Джош. Он и так едва жив. Не нашли никого получше!

– Минуточку. – Старый Перкинс задумчиво почесал затылок. – Как зовут того молодца, который нанялся на работу к Сеймурам на прошлой неделе?

– Который швырнул бычка?

– Именно.

– Кажется Буэл, Билли Буэл.

– Точно. Билли Буэл. Да, ребята, именно он нам и нужен. Билли Буэл? Ну конечно же. Я сразу же вспомнил. Этот парень... да, он уже не ребенок и давно заработал себе имя... Что ж, малыш неплохо ездит верхом и стреляет как черт. Посылайте за Билли Буэлом. И не сомневайтесь – он приедет!

– Но ты забыл, что он не принадлежит нашему городу.

– Какая разница? Если он захочет постоять за Петервилл, неужели Петервилл не поддержит его? Правда, к Сеймурам дорога неблизкая. Есть доброволец, кто бы съездил на ранчо сейчас? Тогда Билли добрался бы сюда к утру, до того как этот малый покинет город.

– Я поеду, – вызвался один из мужчин. – Старушка чалая доставит меня достаточно быстро. Кроме того, я видел этого Буэла в деле, и мне кажется, я знаю способ, как заставить его зазвать сюда.

– Тогда хватай коня, – нетерпеливо перебил его Перкинс. – Даже если Буэл приедет, конечно, нет никакой надежды, что он справится с двумя задачами, однако он в любом случае поддержит марку Петервилла на уровне любого другого городка в этих горах. Пришпорь свою конягу, Слим!

Слим ответил взмахом руки и рванулся к ступенькам веранды. Секунду спустя копыта его лошади уже выбивали фонтаны пыли, и он летел по улице как угорелый.

Приглушенный пылью стук копыт донесся и до незнакомца, доедавшего яичницу с ветчиной. Он не прервал еду, однако едва заметная лукавая улыбка скользнула в его взгляде, а на лице появилось выражение спокойного удовлетворения. Он знал, что Петервилл бросил клич и утром его лучшие стрелки и наездники будут готовы к испытанию. Казалось, чужак чрезвычайно обрадовался этому, хотя по сути дела чем меньше желающих поучаствовать, тем больше шансов у него выиграть приз.

Наверное, он относился к любителям спортивных состязаний и не желал заработать свою тысячу без азартной борьбы. Кроме того, скорее всего в нем скрывалось достаточно иронии и он обожал эти свирепые состязания его крутой лошади и не менее крутых наездников. А может быть, в нем сидел черт упрямства, бередящий его перспективой риска.

Очевидно, этот человек имел множество внутренних мотивов поступать так. И возможно, сам недостаточно хорошо знал, чего хочет. Однако, сидя за столом, потягивая кофе и наблюдая за узорами трещин и водяных разводов на обоях противоположной стены, он не создавал такого впечатления. Напротив, чужак производил впечатление личности, не допускавшей сомнений в отношении смысла жизни и жизненных принципов. Размешивая сахар сильной и твердой рукой, он выпил обжигающий кофе до самого дна, до последней капли, а затем поднялся и пошел в номер.

Вот тут, оставшись один, он дал волю усталости. Как только за ним захлопнулась дверь, его колени словно подкосились, голова упала на грудь, а глаза свидетельствовали о полном изнеможении.

Он буквально свалился на кровать, с трудом стянув сапоги, штаны и рубашку. И все же перед тем, как заснуть, он запер дверь и проверил надежность замка. Затем подошел к окнам и убедился, что до деревянного настила внизу не меньше двух этажей гладкой стены, и только после этого обхода вернулся к кровати, достал длинный кольт 45-го калибра, спрятал его под матрац и упал на подушку лицом вниз, как подстреленный.

Мгновенное бессилие этого крупного и уверенного в себе человека напоминало смерть. Только один раз он повернулся и поднял голову, как будто пытаясь всплыть из глубин полного

изнеможения. В нескольких сотнях ярдов от петервиллского отеля раздавались звуки револьверных выстрелов. Незнакомец улыбнулся, поняв, что лучшие из лучших стрелков уже тренируются, пытаюсь перестрелить доску. Ну что ж, утро покажет.

Затем он провалился в сон, хотя до вечера оставалось еще достаточно времени, и многие бы посчитали глупостью попытку заснуть в такую жару. Он спал, раскинув руки, как ребенок, уставший от долгой игры. Наверное, вряд ли найдется более дурацкое сравнение, способное проиллюстрировать состояние этого закаленного бойца...

Тем временем горожанам Петервилла было не до сравнений. Слово вылетело как воробей, и его подхватили. Вы можете бросить вызов французу по поводу его любви к славе, англичанину – в отношении любви к поэзии, немцу – насчет любви к музыке или итальянцу – в связи с его особой любовью к краскам, но даже не пытайтесь намекнуть жителю Запада на его неумение скакать верхом или стрелять. Как правило, ответ будет весьма резким, а последствия – весьма роковыми.

Петервилл не стал исключением. И если взрыва не произошло сразу после вызова загорелого незнакомца мужскому населению города, реакция начала нарастать после того, как он покинул веранду. Прежде всего, что вполне естественно, новость поползла от кухни к кухне, от террасы к террасе, где женщины чистили картошку или резали лук на ужин. Но день понемногу подходил к концу, солнце клонилось к горизонту, пока широкоплечий приезжий спал, люди начали возвращаться с работы, и с их возвращением мрачное и приглушенное перешептывание вновь понеслось по домам городка.

А они были мужчинами, эти граждане Петервилла, и не могли допустить даже мысли, что не способны на то, что под силу жителям других городков. В них перемешались решимость и жестокая обида на человека, осмелившегося вторгнуться в их владения и вызвать на состязание, тем самым поставив под сомнение их состоятельность.

Однако в воздухе витало и другое. Рассказ приезжего ходил по кругу. Но так ли уж он правдоподобен? Довольно странно, что человек таскается по пустыне просто для того, чтобы искушать стрелков и наездников. Неужели единственное, чего он хочет, – заработать тысячу зеленых и заткнуть рот разговорчивому партнеру? Какова же истинная цель лежавшего ничком на кровати и спящего мертвецким сном чужака?

Утро покажет...

Глава 3

Изящный участник соревнования

Незнакомец не проснулся рано утром несмотря на то, что лег спать накануне в разгар дня. До восьми часов он так и не поднялся. Чтобы восстановить силы, ему понадобилось шестнадцать часов крепкого сна.

Несмотря на жару ушедшего дня и прохладу наступившей ночи, он ни разу не пошевелил ни ногой, ни рукой, пролежав все время ничком.

Проснувшись, он походил на парализованного. Умылся, насколько позволяли удобства отеля, затем оделся и спустился вниз.

Многие жители города уже давно были на ногах. С веранды доносился шум неумолимых и сердитых голосов. Незнакомец замер на пороге ресторана и прислушался. Отдых так и не разгладил глубокие морщины на его лице. Не исчезли тени под глазами, походка не стала ни более твердой, ни более размеренной. Он спал крепко и долго и тем не менее остался в том же самом состоянии, что и вчера, в то время, когда упал ничком на кровать.

Казалось, что этот человек много дней поработал с жутким перенапряжением, и теперь, когда у него появилась возможность отдохнуть больше обычного, он использовал ее на всю катушку, но так и не смог скомпенсировать львиную долю усталости. Просто поднабрал немного нервной энергии, чтобы быть готовым потратить ее при необходимости.

Чужак быстро позавтракал, постоянно прислушиваясь к голосам, доносившимся с веранды. Похоже, он всегда старался получить информацию, пусть и урывками. Собравшиеся на веранде, видимо, с нетерпением ожидали кого-то, кто якобы имеет неплохие шансы пройти оба испытания. Как будто Петервилл так и не нашел двух или более достойных претендентов для серьезной попытки и вручил свою судьбу в руки Билли Буэла.

Широкоплечий незнакомец поднял голову и, нахмурившись, попытался вспомнить, где уже слышал упомянутое имя. Очевидно, ему так и не удалось сделать это, и он торопливо принялся за кофе. Однако так и не успел его допить, потому что в одном из голосов, раздававшихся на веранде, прозвучало резкое раздражение.

– Ты несешь чушь, сынок. Конечно же он не раз падал с лошади, и не раз ему перепало. В него стреляли и его били кулаками, пятьдесят раз он вылетал из седла. Но самое главное – Билли Буэл способен кое-чему учиться. У него куча шрамов после всех драк и происшествий, но он все равно жив-здоров. Если ему и доставалось, то только один раз. Он никогда не скулил, если зарабатывал по заслугам. Но зато потом начинал учиться всему тому, что знал тот парень, который побил его. И как всегда, намного превосходил своего учителя. Так-то он и стал нынешним Билли Буэлом.

Очевидно, эти слова доставили незнакомцу несравненное удовольствие. Его глаза вспыхнули, а затем на лице медленно появилась саркастическая улыбка – свирепое удовольствие, если так можно сказать.

– Едут! Вот он, на гнедой! – раздался чей-то крик. – Точно Билли! Только он так сидит в седле! Это Билли Буэл!

Приезжий торопливо направился к двери, но затем какая-то мысль заставила его остановиться. Он спокойно вернулся к столу, сел, налил себе еще кофе и разбавил его сгущенным молоком. Пусть герой идет к нему, а не он к герою. Тем временем он подготовится к встрече.

По-видимому, Билли Буэл неплохо объезжал лошадей и дрался на кулаках, на ножах и на револьверах. В начале жизненного пути ему не раз доставалось, если верить разговорам на веранде, но каждое поражение служило неплохим уроком, и теперь усеянный шрамами ветеран вселял благоговейный страх в жителей каменистой пустыни.

Обычно внешний вид выдает сущность человека. И поэтому из услышанного и предположенного приезжий сумел воссоздать образ Билли Буэла. Пара длинных, развевающихся по ветру усов, это без вопросов. Туманный взгляд, устремленный вдаль. Выражение спокойствия, абсолютно готового перейти в ярость при малейшей провокации. Таким должен быть Билли Буэл, вне всякого сомнения. Незнакомец так живо представил его, что уже приготовился услышать тяжелую поступь шагов чемпиона, поднимавшегося по ступенькам веранды вместе с толпой.

Впрочем, отчетливых шагов он так и не различил. Люди на веранде устроили гвалт, приветствуя вновь прибывшего, а затем раздалось торопливое шуршание множества ног, и толпа ввалилась сначала в холл, а потом – в обеденный зал. Перкинс, первым предложивший кандидата, стал героем дня, или по крайней мере предтечей героя. Старик побледнел от возбуждения, принял суровую позу и махнул рукой в сторону двери, через которую он только что вошел.

После жеста толпа раздалась в стороны и на свет божий появился сам претендент. Но... Неужели этот худой симпатичный, изящно беззаботный юноша... и есть Билли Буэл, участник множества драк и обладатель бесчисленных шрамов?

Даже непробиваемое спокойствие чужака на секунду дало трещину. Он бросил резкий взгляд в сторону Перкинса, подозревая, что стал жертвой фарса, но возбуждение старика выглядело слишком искренним, чтобы походить на шутку. Затем незнакомец перевел взгляд на парня, представленного ему как Билли Буэл.

Естественно, ни рост, ни вес вошедшего не внушали особого уважения, и ни один из якобы бесчисленных шрамов не был замечен ни на лице, ни на длинных тонких руках. Билли Буэл снял шляпу, слегка поклонился на пороге и приступил к пожатиям рук. И если темные волосы и приятное лицо не вызывали опасений, то темные глаза, смотревшие прямо на собеседника, скрывали очень многое. Слишком правильные и слишком красивые черты не могли сочетаться ни с силой, ни с волей, но оставляли впечатление безграничной энергии. Какая-то часть этой энергии выразилась в одежде парня.

В действительности одежда придавала ему вид безответственного мальчишки, выражая всю экстравагантность ковбоя. Люди, имеющие дело со скотом, обычно используют одежду только для того, чтобы закрыть самые необходимые части тела, и плевать хотели на остальное. Рубашка и брюки обычно не шли в счет. Зачем тратить деньги на дорогие материалы, с которыми пот и грязь разделяются за день езды верхом? Здесь все было иначе.

Фабричные сапоги Билли Буэла наверняка стоили не менее пятидесяти долларов. Максимальная подгонка под стремя, мягкая кожа, облегавшая ногу. Золотые шпоры торчали из пяток – широкоплечий приезжий вздрогнул, когда понял, что они действительно золотые, – золотой орнамент вокруг пряжки немного провисшего ремня и богатая золотая лента вокруг сомбреро. Парень носил рубашку из желтого шелка и темно-голубой шейный платок – прямо океанской голубизны. Перчатки, как и сапоги, искусный мастер явно подогнал под требования хозяина. А эти привередливые требования заставили найти изготовителя перчаток кожу, тонкую, как пленка, такую, чтобы гибкость пальцев Билли Буэла как можно меньше зависела от жесткости материала. Естественно, подобная пара перчаток не прослужит и двух недель, но... Впрочем, с первого же взгляда стало ясно, что расходы для Билли Буэла ничего не значили.

Он простоял в дверном проеме не дольше, чем понадобилось для того, чтобы определить человека, которого искал. Однако незнакомец отметил и то, что, когда Билли шагнул вперед, в нем не ощущалось осознанного чванства героя. Он обратился к нему совершенно прямо, с искренней улыбкой:

– Как тебя зовут?

– Я Уильям Кемп, – ответил незнакомец, поднимаясь со стула, он оказался на добрый дюйм выше вошедшего. – Рад видеть Билли Буэла.

– Посмотрим, – ответил юноша, в его голосе звучала почти женская мягкость. – Я не горю особым желанием делать из себя дурачка, но ребята настояли, чтобы я разобрался с твоей целью и твоей лошадью. Так что, если хочешь, я готов попробовать.

Пока он говорил, его большие и нежные глаза медленно исследовали лицо Уильяма. Кемп был крутым парнем, на самом деле очень крутым, но нежность глаз парня и извинения, скрытые в голосе, заставили его быть деликатным.

– Сынок, – сказал он, – я с удовольствием понаблюдаю, как ты будешь поражать цель. Только однажды в нее смогли попасть так, как надо. Но вот насчет лошади... тебе придется чертовски тяжело. Подумай дважды, прежде чем связываться с этим дьяволом.

На лице Билли Буэла не появилось усмешки. Он кивнул, показывая мрачное понимание и благодарность за предупреждение, однако Кемп, обведя взглядом остальных, увидел на дюжине лиц улыбки. Им наверняка казалось нелепым предупреждать Билли Буэла насчет лошади. Более того, они смотрели на своего героя в немом страхе, ожидая, что тот поставит Кемпа на место. Но Кемп знал людей и знал, что душа и внешность часто отличаются друг от друга. Хотя то, что такой стройный и изящный парень мог представлять угрозу как для человека, так и для животного, не укладывалось в его понимании. Тем временем Билли Буэл снял перчатки и принялся сворачивать сигарету пальцами, тонкими, как у женщины. Тяжелой работой он определенно никогда не занимался – по крайней мере очень долгое время. Вся сущность Кемпа восстала и требовала заявить: «Нет!»

Но в эту секунду Билли Буэл начал прикуривать и поднял взгляд.

Мягкие и сдержанные раньше глаза изменились до неузнаваемости. Теперь вся мягкость улетучилась и глаза превратились в источники концентрированного света, пронизывавшего мозг собеседника. Этот взгляд заставил Уильяма Кемпа вздрогнуть. Он понял, что столкнулся с настоящим бойцом. Мгновение – и он ощутил, что его сомнения поняты, и сомнения эти являются оскорблением.

– Слово за вами, мистер Кемп, – холодно произнес Билли Буэл. – Итак, вы даете мне право на попытку?

– Как хочешь, – ответил Кемп, все еще оставаясь под действием неуверенности. – Намерен рискнуть – вперед. Я установлю мишень и приготовлю лошадь... оседланную, что немного не по правилам. Но все равно твое положение легче не станет.

Глава 4

Билли подозревает Кемпа

С этими словами он направился к двери. И сразу же стоявшая вокруг шумная толпа нахлынула на него со всех сторон, но Кемп чувствовал, что юноша идет рядом с ним с присущей ему грацией и молча, словно напарник. Краем глаза он наблюдал за претендентом, и даже этот косой взгляд подтверждал, что в Буэле есть сила, которую он не рассмотрел с самого начала.

Кто-то мог подумать, что, сомневаясь в конечном результате, несмотря на все меры предосторожности, Уильям Кемп изрядно помрачнеет, когда почувствует реальную опасность потерять свою тысячу зеленых. Но похоже, он был слишком уверен в своем успехе. Во всяком случае его глаза сияли и какое-то подобие улыбки бродило по загорелому лицу, пока он рассматривал молодого человека. Все решили: без сомнения, Кемп настоящий спортсмен, а потому и держался соответственно.

Они вышли на улицу.

– Полагаю, что мы начнем со стрельбы? – спросил Кемп. – После борьбы с лошадью у тебя могут дрожать руки.

– Мне все равно – до или после, – холодно возразил Билли и окинул Кемпа быстрым взглядом. Мрачным взглядом, страшным... Тень сомнения, которую он заметил на лице чужака, без всяких вопросов вызвала в нем бурную реакцию. Очевидно, не стоило показывать Билли, что он расстроен. Возможно, обычного человека это бы задело, но Уильям Кемп, как многие уже догадывались, был далеко не обычным человеком. Он встретил мрачный взгляд юноши с твердой добротой.

– Если бы выбирал я, – спокойно произнес он, – я бы начал со стрельбы.

Произнося эти слова, он вынул из кармана брюк кусок доски длиной в шесть или семь дюймов и, спросив молоток и гвозди у хозяина отеля, подошел к ближайшему столбику ограды и прибил дощечку на его вершине.

Толпа не молчала, резкий шепот раздавался то тут, то там, информируя Билли о всевозможных подозрениях.

– Он взял тонкую доску, ты видишь? Если ты не разнесешь ее точно пополам, она никогда не переломится под своим весом, и ты не получишь фору. Тебе придется перебить каждую щепку, иначе проиграешь, Билли.

Билли принял предупреждение серьезным кивком. Но его внимание почти полностью сконцентрировалось на револьвере, который уже прыгнул из кобуры в его ладонь и превратился в живое существо под чуткими, ловкими пальцами. Началась быстрая и внимательная процедура осмотра патронов, затем Билли задумчиво взвесил оружие на вытянутой руке. Револьвер и державший его человек выглядели старинными и близкими друзьями, но перед работой человек хотел лишний раз убедиться в тесном союзе со своим приятелем. Наконец гибкие пальцы обхватили рукоятку, и оружие упало вниз на полную длину руки.

Он был удовлетворен. И уверен. Уверен в себе и в оружии. Оставалось единственное сомнение – при всем своем старании у него может не хватить волшебства на подвиг.

Тем временем лица собравшихся на состязание представляли довольно любопытный предмет для изучения. Солидные горожане напоминали сейчас студентов на трибунах перед футбольным матчем. Спортсмены на поле обычно достаточно спокойны, зная, что свисток судьи очень скоро положит конец их ожиданиям, но те, кому приходится сидеть и ждать, на трибунах страдают вдвойне. Так вот, лица зрителей оказались довольно вытянутыми. Они не сводили глаз с цели, наблюдали, как Уильям Кемп делает тридцать широких шагов, широких

настолько, что среди зрителей пронесся приглушенный ропот. Очевидно, этот чужак не упускал шанса затруднить задачу Билли. Но, предложив своему чемпиону обжаловать дистанцию, петервиллцы встретили лишь отрицательное движение головы. Молодой человек без единого слова стал на метку, начерченную в пыли каблуком Кемпа. И Билли ступил на нее не пятками – хотя учитывался каждый дюйм расстояния, – а только носками, и выпрямился, впившись глазами в несчастную деревяшку. Какой невероятно далекой она казалась для наблюдателей.

Последовало множество комментариев:

– Постарайся, старина, во всей округе никто, кроме тебя, не сможет этого сделать.

Или:

– Если у тебя не получится, сынок, никто не вспомнит об этом.

Или:

– Если ты победишь, Билли, то станешь моим самым дорогим гостем!

Что касается Уильяма Кемпа, он молча стоял, подперев подбородок кулаком правой руки, и внимательно наблюдал за серьезным и симпатичным лицом Буэла.

Билли заговорил, не сводя глаз с куска доски:

– Цель установлена, мистер Кемп?

– Кажется, да, – ответил Кемп, не обращая внимания на холодную неприязнь, прозвучавшую в голосе юноши. – Она тебя ждет, если ты готов, сынок.

Он предполагал, что парень будет долго и внимательно прицеливаться, однако все произошло иначе. Пока он говорил, стрелок слегка наклонился вперед, его рука взлетела вверх, словно он стрелял навскидку, и последнее слово Кемпа разнесло в клочья взрывом револьверного выстрела.

Толпа взревела, когда точно в геометрическом центре дощечки засияло солнце.

Но это было только начало. Шесть остальных попаданий должны оказаться на одной линии с первым, иначе доска не переломится, и каждое должно отстоять от соседнего как можно дальше, но при этом и перекрываться.

– Пришел твой час, Билли!

И снова револьверный выстрел поглотил последние слова, на этот раз дыра в центре заметно расширилась. Второе отверстие слегка перекрывало первое и находилось на одной линии. Такая стрельба, может, и снилась кому-нибудь из присутствующих, но видеть подобное... Все крики стихли. Пока револьвер в руке Билли продолжал гроыхать, исчезло даже само время.

Линия света ширилась влево и вправо от первоначальной пробоины. Но Уильям Кемп смотрел в другую сторону. Как ни странно, он полностью сосредоточился на лице стрелявшего. О, это лицо! На губах юноши играла улыбка решительного презрения, если можно такое сказать. Он откинул назад голову и слегка выпятил челюсть, его глаза вспыхивали при каждом выстреле, как будто пуля входила в тело заклятого врага.

Прозвучал шестой выстрел, и, только увидев бесновавшихся зрителей и услышав их безумные радостные возгласы, Кемп неохотно перевел взгляд с лица Буэла на доску.

Она была разрезана пополам прямо над вершиной столбика. Каждая пуля сделала свое дело точно в соответствии с расчетом. Невозможное стало возможным.

Кемп снова повернулся к Буэлу, уже спокойно забивавшему барабан новыми патронами. И почему-то это порадовало Кемпа больше, чем искусство стрелка.

– Похоже, – произнес он тоном поздравляющего, – для тебя, сынок, нет ничего невозможного.

Билли сунул оружие в кобуру и только потом повернулся к Кемпу, хмуро ответив:

– Это зависит от того, где я нахожусь, мистер Кемп.

Очевидно, он желал обидеть. Но Кемп только кивнул, никак не отреагировав на выпад. В его глазах промелькнуло почти мальчишечье веселье.

– Ну а теперь лошадка. Полагаю, она уже оседлана? Старый добрый Воронок ждет тебя, Буэл.

– Он вон там, – указал Буэл на грозного мустанга, которого вел мальчишка-конюх.

Ужасный Воронок, конь-убийца, выглядел нежным, как божественный ягненок, пока кто-нибудь не садился в седло. Сейчас он стоял, сонно опустив голову и прядая ушами, как будто купание в лучах утреннего солнца доставляло ему наибольшее удовольствие.

– Да, – радушно воскликнул Кемп, – это именно он! Желаю удачи, Буэл. Сегодня Воронок, кажется, довольно спокоен.

Билли уже затягивал пояс, и его ответ прозвучал вполне серьезным:

– Этот конь выглядит действительно довольно опасным. Судя по его виду, худших лошадей я до сих пор не встречал.

Его серьезность отрезала как ножом изобилие чувств толпы. Люди двинулись в сторону мустанга, и Билли Буэл не спеша последовал за ними. Теперь он не сводил глаз с новой цели, как не сводил глаз с доски с того момента, как ее прибили к столбу. По дороге он остановился возле коновязи у входа в отель и провел рукой по шее гнедой лошади.

Этому великолепному животному исполнилось не более трех лет. Его изящное тело казалось вылепленным точной рукой скульптора – с такой же заботливостью, как ювелир украшает камнями самые дорогие часы, если уж говорить точнее. Мощная грудь, покатые плечи, крепкий корпус, охваченный подпругой, – все свидетельствовало о силе, способности нести вес и выполнять тяжелую работу, а также о выносливом сердце и сильном дыхании. Ноги лошади, черные ниже колен и поджилков, напоминали кованое железо и соответствовали его прочности. В руках опытного и мудрого всадника это дивное создание природы наверняка могло творить чудеса.

Кемп оценил кобылу одним взглядом знатока. Затем принялся наблюдать за человеком и за лошадью. Они действительно стали друзьями. Едва почувствовав ладонь на своей шее, гнедая повернула голову и уткнулась бархатной мордой в грудь своего товарища. Он похлопал ее второй рукой, и, словно удивляясь, почему хозяин не садится в седло, кобыла подняла голову, тихо заржала, легко топнув передней ногой.

Билли Буэл с улыбкой поговорил с ней, однако его взгляд так и остался прикованным к грозному и костистому Воронку, безмятежно нежившемуся на солнце. Юноша как будто прощался с кобылой и в последний раз напоминал себе о ее вере, нежности и большом сердце, прежде чем рискнуть жизнью в попытке покорить самого непокорного из ее сородичей. И Уильям Кемп следил за этим прощанием, обеспокоенно покусывая губы.

Затем последовало последнее похлопывание по изящной морде, последнее поглаживание выгнутой дугой шелковой шеи, и Билли шагнул в сторону угрюмого мустанга. Сразу же его остановили напутствия горожан.

– Дай себе шанс, сынок, – зашептал старый Перкинс, первый из подошедших. – Не стоит торопиться. Подожди до полудня, пока солнце не начнет припекать. Оно обязательно изгонит дьявола из этой бешеной лошади, здешнее солнце. Утром даже старая кляча в коррале может доставить тебе пяток веселых минут, но после обеда любая лошадь теряет резвость. Используй время, Билли, и у тебя будет шанс. И не забывай – этот конь сбросил Келли. Не обольщайся, что он выглядит сонным. Как раз такие лошади напоминают мулов. Они думают. А думающая лошадь – сущий черт.

Раздавались и другие голоса, но Билли с печальной улыбкой ответил:

– Джентльмены. Я не собираюсь искать себе лишних проблем. Нет, я люблю действовать наверняка, но этот старый вороной конь не изменит своего нрава и после полудня. В его сонных глазах горит огонь. Его никто еще не объездил. И он не собирается быть объезженным. Он будет драться до последнего удара сердца. И... – Билли замолчал. Его грустные глаза обвели толпу и остановились на Уильяме Кемпе. – Вопрос не в том, чтобы покорить Воронка, – сказал

он толпе, но на самом деле его слова относились только к Кемпу. – Потому что его нельзя покорить. Вопрос стоит по-другому: либо я прикончу его, либо он – меня. Это не испытание наездника – это убийство, так или иначе. И я говорю – пусть будут прокляты те, кто заводят подобные споры!

Глава 5

Битва

Он кляцнул зубами во время последних слов, и в его глазах загорелся дьявольский огонь, полыхнувший в сторону Кемпа. От такого явного вызова толпа поморщилась и расступилась, образовав проход, между ними двумя, проход, который легко сгодился бы и для пули, а не только для человека.

Но Кемп, очевидно, и не думал обижаться. Он смотрел на молодого человека с каменной серьезностью, склонив голову и оперевшись подбородком о кулак. Если бы ни обстановка, то можно было бы сказать, что он напоминает судью, сидящего на скамье и готового объявить приговор. В его больших глазах не наблюдалось ни веселья, ни злобы, ни предчувствия, только мудрость старости, не имевшая никакого выражения. Более того, казалось, он поставил себе сомнительную задачу – проникнуть в самую душу юноши, стоявшего перед ним.

Билли Буэл долго смотрел на Кемпа враждебным взглядом, но, увидев, что возражений нет, стиснул зубы и шагнул в сторону Воронка. Толпа расступилась перед ним, и он уже находился в шаге от мустанга, когда раздался плавный и полный сострадания бас Кемпа.

– Подожди минутку, сынок. – И загорелый человек быстро подошел к юноше. – Я считаю... – продолжил он после того, как Билли обернулся, – я считаю, что ты достаточно сделал для одного претендента. По крайней мере в один день. Я полностью доволен. И я не так беден, чтобы переживать о каждом долларе. Оставь этого коня. Я заплачу партнеру его тысячу, и на том все кончится. Но я не могу позволить тебе приняться за Воронка. Послушай меня, сынок, ты прав, когда сказал, что он не остановится. Пока не остановится его сердце. А почему? А потому, что он переполнен подлостью. Я хорошо знаю этого коня, довольно давно и довольно близко. Он не годится для работы. Еще ни один человек не сумел обуздать его. Он очень быстро соображает, но на уме у него только дьявольские штучки, у этого Воронка.

Наверное, ты встречал людей, у которых в мозгах нет ничего, кроме желания отправить в ад своих сородичей? Таков и Воронок. Он живет ради драки. Пусти его в загон с другими лошадьми, и он забьет их всех до смерти. Эта бестия не оставит в живых ни единой кобылы, ни даже жеребенка – перегрызет беднягам горло, – у него привычки настоящего мула. Это сущий дьявол. Он не пригоден для какой-нибудь земной работы, но неплохо натренирован на борьбу с любым парнем, который попробует забраться ему на спину. Он не только сбрасывает седока, но обязательно прыгнет на упавшего всадника всеми четырьмя. Это Воронок. Считай, что ты объездил его, и пусть он идет себе с миром. Я заплачу деньги своему напарнику, а тебе достанется вся слава, которую ты пожелаешь, но я не хочу смотреть на смертельную бойню!

После такой великодушной речи над толпой прошелестел ропот удивления. Молчал только Билли Буэл. Пока широкоплечий приезжий говорил, выражение его лица постепенно менялось, от гнева до удивления, превратившегося в конце концов в очень глубокое подозрение. Ответ последовал мгновенный и решительный.

– Мистер Кемп, – спокойно возразил он, – я внимательно вас выслушал, и если бы вы сказали в сто раз больше, это бы ни на каплю не поколебало мою решимость. Мне кажется, я разгадал ваши намерения, сэр, и все, что пришло мне в голову, – не к добру для вас, совсем не к добру. – В Билли Буэле, очевидно, копилась холодная ярость с того самого момента, когда он впервые встретил Кемпа, и теперь его лицо горело гневом. Если желание убивать способно изменить глаза человека, то глаза Буэла стали совершенно неузнаваемыми. – И вот что я понял, – продолжал юноша. – Вы поспорили, а может, быть и нет. Честно говоря, мне кажется, что никакого спора нет и в помине. У вас вполне достаточно денег, чтобы не заботиться о хлебе насущном. Вот вы и решили позабавиться. А самая большая забава в ваших глазах – это

посмотреть, как кто-то получил возможность и затем проиграл. Поэтому вы бродите повсюду и подбиваете парней пострелять по вашей цели, зная, что им не совладать с ней и что у вас будет потом неплохая возможность посмеяться.

И даже если они умудряются пройти испытание с оружием, для них припасен дьявол в виде коня. А этот конь на самом деле дьявол. Стоит только взглянуть на его страшную голову. Единственное, что меня смущает, – я не умею ненавидеть лошадей, вся моя ненависть припасена для людей. А ненависти во мне достаточно, приятель! И я собираюсь прокатиться на твоём коне.

Я знаю, что у вас на уме. Вы довольно быстро поняли, что не понравились мне, Кемп, и я заявляю об этом громко и вслух. Когда мне повезло и я умудрился перестрелить вашу доску, вы решили, что лучше не иметь меня в качестве врага, если я переживу катание на лошадке, и в последнюю минуту вы проявили великодушие. Вам показалось, что я изменю свое мнение о вас. Но все не так просто, приятель. Я знаю вас не так уж много, но я вижу вас насквозь. Вы мне не нравитесь, и вы не из хороших людей.

Из-за вас пострадал Джек Келли. А Джек простой парень – пусть и из крутых, но честный и никому не причинивший вреда. И я не сомневаюсь, что вы долго бродили по горам, убивая или почти убивая самых лучших мужчин с помощью своего коня. Я попытаю удачи и сделаю все, что смогу. И если останусь в живых, то говорю тебе, Кемп, как мужчина мужчине, при свидетелях. Я пойду по твоему следу, пока не догоню, и пусть отношения выяснят наши револьверы. Это все. А теперь убирайся с дороги. Я прокачусь на коне!

В словах юноши прозвучало страшное публичное обвинение, но гораздо страшнее слов казалось то, как они были сказаны – глаза Билли Буэла горели, мышцы лица напряглись. Толпа вздрогнула и попятилась назад, готовая рвануться в укрытие во время неминуемой перестрелки.

Но перестрелки не последовало. Буэл напряженно стоял, готовый выхватить револьвер, но Кемп не сделал ни единого движения к оружию. Создавалось впечатление, что, поглощенный изучением его лица из-под нахмуренных бровей, он даже не слышал слов молодого человека и лишь смутно представлял их содержание.

Только один из тысячи не понял бы такое поведение, как трусливое принятие очень жестокого оскорбления. Но в Кемпе чувствовалось нечто такое, что не допускало и малейшего подозрения в трусости. Предельное спокойствие, с которым он встретил речь Билли Буэла, говорило само за себя. Более чем когда-либо Кемп выглядел мудрецом, знавшим многое, слишком многое, и думающим больше о причинах, а не последствиях действий.

Будь Билли Буэл более наблюдательным, он бы понял, что его обвинения в трусости выглядят абсурдно, однако Билли, по-видимому, не любил рассуждать. Его лоб без единой морщинки красноречиво свидетельствовал о том. Ему потребуется еще несколько долгих лет, прежде чем время оставит на его лице свои отметины. Он вел жизнь бабочки, не заглядывая вперед далее, чем на день, используя на полную катушку счастье и возбуждение каждого часа.

Таким человеком был Билли Буэл – нежным внешне и ужасным в действии. И поскольку его воображение никогда еще не заставляло его заранее ужаснуться последствиям, это порой приводило парня к страшным поступкам. Теперь тоже он не мог пробиться сквозь трезвый взгляд противника и увидеть его реальную силу и мужество.

Если бы он осознал это, то понял бы, какая сверхъестественная храбрость необходима человеку, чтобы выдержать подобную насмешку и оставить ее без ответа. Но для Уильяма Кемпа этот жесткий выпад, видимо, ничего не значил, даже менее, чем ничего.

Он молча отступил назад, освобождая для Билли дорогу к Воронку, и с полунасмешкой, а отчасти с сожалением широким жестом пригласил юношу попробовать себя на непреодолимом препятствии. Даже сейчас Билли еще имел возможность отступить. Будь он дипломатом, то так бы и сделал, потому что, взглянув на покрытое морщинами лицо Кемпа, вдруг почув-

ствовал проблеск понимания. Сейчас юноша и вправду мог бы вступить в новые переговоры, но оскорбленная гордость не позволила ему пойти навстречу. Возможно, эта гордость обрекала его на безвременную смерть, но тем не менее он ничего не хотел с ней поделаться. Мрачно отведив Кемпу глубокий поклон, Билли ловко ухватил левой рукой поводья Воронка.

Кость была брошена, и битва началась.

Но пока нога смелого наездника не коснулась стремени и пока вес его тела не начал давить на седло, слегка смещая его, Воронок и не думал расставаться со своим приятным сном, в котором он гулял по солнечным пастбищам и где людям не находилось места. И даже очнувшись, он только насторожил уши. В этот момент полный вес Билли Буэла опустился в седло, и колени юноши обхватили бока мустанга.

Конь дернул головой и, не меняя положения ушей, начал серьезно и почти весело исследовать седока, осмелившегося взгромоздиться ему на спину. Зрители обязательно рассмеялись бы, если бы не видели, что Буэл изо всех сил пытается развернуть голову коня назад. Худые плечи, тонкие пальцы и округлые, почти женские запястья с невероятной силой тянули поводья и удила, но, несмотря на все старания наездника, Воронок спокойно крутил мордой, не обращая никакого внимания на то, что удила почти свернули его рот на сторону.

Настороженные уши коня приняли какую-то невероятно причудливую форму. Казалось, лошадь молча смеялась – ужасным человеческим смехом грубого животного – над осмелившимся залезть в седло. Затем она повернула голову и спокойно оглядела стоявшую вокруг толпу, поле и изгороди.

– Похоже, никто не собирается брыкаться! – весело воскликнул старый Перкинс. – Похоже, ты прав, когда говорил, что лошадь достаточно умна, Кемп. Воронок понял, что все попытки выбросить Билли из седла будут бесполезными.

К его словам присоединился гул голосов. Тем временем Воронок медленно пошел вперед без малейшего признака враждебности. Только Уильям Кемп не участвовал в общем веселье. Он продолжал свои наблюдения в глубокой задумчивости, полностью отделенный от окружающих своими размышлениями.

Шум зрителей прекратился так резко, как будто им на головы набросили одеяло. Воронок, продолжая идти, вдруг резко бросился в сторону, так что Билли Буэл опасно качнулся в противоположном направлении.

До того как он сумел восстановить равновесие, мустанг, по-прежнему с настороженными ушами, подпрыгнул в воздух и приземлился на твердые ноги, его спина выгнулась, так что Билли оказался сидящим на вершине треугольника. Через мгновение треугольник провалился и началась сумасшедшая путаница: конь понял, что так и не стряхнул седока со спины. Тут наверняка понадобится сверхъестественная резвость.

Воронок погрузился в темные глубины своей природы и начал выкидывать трюки один за другим. Казалось, этот монстр не знает усталости. Он изгибался дугой и выпрямлялся, скакал вверх и вниз, брыкался только известными ему способами и при этом не забывал придавать особую остроту своим шалостям, не раз бросаясь на землю и пытаясь раздавить седока собственным весом.

Но человек каждый раз выскакивал из седла, и каждый раз, как только конь вновь поднимался на ноги, взбирался на него. Билли уже не выглядел тем веселым, беззаботным и вечно улыбавшимся парнем. Нескончаемая череда ударов оглушила его и превратила лицо в маску, покрытую грязью и едва различимую в туче пыли, поднятой Воронком. Зрители видели, что в глазах юноши застыл вполне реальный ужас.

В действительности сражение с большим Воронком и являлось настоящим воплощением ужаса. Большинство лошадей брыкается больше от страха, чем от злобы. Но Воронок сражался, как сражается разъяренный дикарь, не желавший подчиниться чужим законам.

Его ярость, и до этого казавшаяся чем-то невероятным, постепенно переросла в бешенство. Он буквально летал в воздухе, завязываясь во всевозможные узлы, и падал на землю с резким звуком, словно неодушевленный предмет. Затем снова подскакивал, метался из стороны в сторону, вытягивая глею и наклоняя голову, как всегда делает умная необъезженная лошадь. И хотя Билли изо всех сил тянул поводья, он ничего не мог сделать с этой головой.

Воронок взбесился, но его бешенство оставалось довольно ловким. Он превратился в суперлошадь. Удары его копыт отдавались в голове Билли Буэла все равно что удары дубиной. И результаты получились не менее разрушительными...

Нет ничего более веселого для жителей каменистой пустыни, чем честная драка между необъезженной лошастью и наездником. Сначала жители Петервилла, стоявшие вокруг, хохотали до упаду, кричали и махали шляпами, но затем в толпе воцарилось молчание.

Сквозь завесу пыли горожане увидели лицо Билли, из его рта и ноздрей струилась кровь – результат бесконечных и беспощадных бросков и толчков. Каким-то чудом парень еще держался в седле, хотя его мозг уже давно ничего толком не соображал. Превосходное подсолнечное мужество, если можно так выразиться, поддерживало его. Равновесие, которое он научился держать после сотни поединков с лошадьми, не покидало его.

Внезапно старый Перкинс выхватил свой револьвер.

– Мальчики, еще пять минут, и этот конь убьет Билли. Я прострелю дьяволу голову до того, как это случится!

– Ты прав! – последовал дружный ответ, и Перкинс поднял оружие.

Но вдруг рядом с ним появился Кемп и резко опустил его руку.

– Оставь коня в покое, – сурово и неумолимо скомандовал он. – Я предупреждал Буэла. Он решил попробовать. Теперь пусть сражается. Тот, кто пристрелит мою лошадь, ответит, и ответит очень скоро!

Если кто-то и сомневался, что чужак может за себя постоять, то теперь все сомнения развеялись. Он обвел толпу взглядом разъяренного льва, заглянув во все лица по очереди, и каждый из присутствующих отвел глаза. Перкинс сунул револьвер обратно в кобуру.

– Ты прав, – согласился он, подтверждая свою слабость. – Кроме того, Буэл уже высказал тебе кое-что. Я не буду вмешиваться. Но это убийство, Кемп, и ты ответишь, если с парнем что-нибудь случится.

И в эту секунду раздался чей-то крик:

– Он победил! Он сделал это!

Уильям Кемп повернулся и увидел, что Воронок стоит неподвижно в облаке пыли, поднятом его яростью. Он пострадал, и пострадал довольно крепко, вне всякого сомнения. Повесив голову, бедный конь едва держался на широко расставленных ногах, его бока тяжело вздымались, капли пота дождем поливали пыль.

В этой ужасной битве Воронок действительно выдохся. Его большое страшное тело дрожало, глаза закатились в полном изнеможении. Что же касается всадника, то он превратился в бесформенную кучу, возвышавшуюся над седлом. Он не ответил на приветственные крики толпы. И не помахал шляпой. Лишь беспомощно сидел в седле, уронив голову на грудь. Его сорочка стала алой после жуткого сражения. Если Воронок был на грани падения от изнеможения, то и наездник находился не в лучшей форме.

– Он победил! – завопил Перкинс.

– Он победил! – эхом отозвался Уильям Кемп, его глаза расширились от удивления.

Но Воронок все-таки доказал, что даже хозяин недооценил силу его норова. Он вдруг резко рванулся вперед, проскакал пятьдесят ярдов на полной скорости и, высоко взметнувшись в воздух, приземлился на прямые ноги.

Вернее, он попытался сделать это. Но ему не повезло, и резкий удар запустил Билли Буэла в воздух, как стрелу из лука. Парень тяжело рухнул в густую грязь и остался лежать непо-

движно. В тот же самый момент ноги Воронка подкосились. У него уже не осталось времени насладиться своим триумфом. Каждый мускул его тела расслабился, и конь рухнул в грязь.

Люди бросились к неподвижному телу всадника. Кемп оказался там первым, через секунду он поднял голову и крикнул толпе:

– Он жив! Без сознания, но вполне живой!

– Тем лучше для тебя!

Чужак не обратил внимание на ответное ворчание, потому что в этот момент раздался еще один голос с того места, где лежал Воронок.

– Конь прямо разломился пополам после последней попытки. Его сердце не выдержало драки!

– Но кто победил? – спросил Перкинс у Кемпа. – Кто победил? Человек или конь – Билли или Воронок? Он объездил эту лошадь, это точно, но лошадь-таки сбросила его перед смертью. Так кто же?

– Ответ в твоём вопросе, – усмехнулся Уильям Кемп. – Конь мертв, человек жив. Билли Буэл победил. Кто возьмется предсказать, что бы он еще сделал, если бы Воронок поднялся после падения.

Глава 6

Тот, кто знает людей

Все подозрения испарились, чужак показал себя настоящим мужчиной. Согласно сделанному им заявлению, Уильям Кемп проигрывал штуку зеленых своему напарнику, кто бы он ни был. Вне всяких сомнений, Петервилл завоевывал бессмертную славу, как достижение двойного триумфа. Почти каждый житель городка сталкивался с дикими лошадьми и давно постиг их нрав, но до сегодняшнего дня еще никто не видел такого сущего дьявола, каким оказался Воронок. Лошади не раз убивали всадников, но они никогда не убивали самих себя. В грязи лежало истощавшее во время битвы безжизненное тело мустанга. И рядом с ним – безвольное тело Билли Буэла, который, похоже, тоже не так уж далеко ушел от смерти.

Его подняли с почтительной осторожностью. Кровь, грязь и пот испачкали одежду юноши, его тело напоминало мешок – ни один мускул не пытался напрячься. Парня отнесли в отель, положили на кровать и послали за доктором. Толпа стояла тесной группой и перешептывалась, пока доктор не вышел из комнаты и не заверил всех, что утром Билли Буэл поднимется на ноги и будет таким, как прежде. Сильное переутомление, но оно быстро проходит. Как у боксеров. Он без сознания, но очень скоро очнется.

После этого заявления горожане разошлись, оставив своего героя самостоятельно бороться за жизнь. На это потребовалось некоторое время. Когда юноша очнулся, он задал единственный вопрос:

– Воронок? Что с ним?

– Мертв, – не заставил себя ждать ответ. – Ты побил его, Билли.

Улыбка ангельской умиротворенности снизошла на губы ковбоя, и через секунду он опять погрузился в сон. На этот раз настоящий, который не отпустил его из своих объятий до следующего утра.

Но когда он во второй раз открыл глаза, то выпрыгнул из постели абсолютно бодрый и весьма настороженный. Не успев одеться, Билли распахнул дверь номера, и на его крик прибежал сам владелец отеля. Разговор между ними состоялся быстрый и решительный.

– Я вчера немного поработал, – приступил Билли, – и чуть-чуть устал, так что с трудом припоминаю порядок событий. Так что же все-таки случилось после того, как я прокатился на Воронке?

– Ты честно победил его. Все видели, как он упал. Вернее, вы упали одновременно, только он не поднялся.

– Значит, он мертв?

– Вне всякого сомнения.

– Тогда найдите Кемпа, мне надо с ним поговорить.

Собеседник пожал плечами:

– Кемп уехал, уехал еще вчера вечером.

Билли Буэл вздрогнул:

– Уезжая, он не оставил для меня какого-нибудь сообщения? Насчет того, как мне найти его?

Хозяин отеля улыбнулся, поняв голодное выражение лица Буэла.

– Он ничего не оставил, и не хотел оставлять. – И добавил с отеческой добротой: – На твоём месте, Билли, я бы не стал преследовать этого джентльмена. Он не так уж прост. Оставь его, пусть идет своей дорогой.

Но Билли Буэл только заскрежетал зубами:

– Куда он поехал?

– На запад, – махнул рукой хозяин. – Но на твоём месте, Билли...

– Оставь свои уговоры! Итак, на запад?

Хозяин кивнул и заторопился вниз по лестнице.

– Буэл решил догнать Кемпа, – шепнул он своей жене. – До конца дня в этих горах произойдет убийство, чего не случалось у нас уже много месяцев. Вот он поехал! – добавил он немного погодя. Они слышали громкий стук копыт, который постепенно замер вдали. – Билли Буэл отправился в погоню!

И действительно, Билли Буэл скакал так, как не скакал никогда раньше. Если незнакомец бежал от него, то эта скачка превратится в долгое и почти невыносимое преследование. Однако если он спокойно выехал из Петервилла с чистой совестью, то догнать его не составит большого труда.

Билли погонял Лу, свою гнедую кобылу, постоянным подбадриванием, и она отвечала ему скоростью и душой, всем, чем могла ответить лошадь. Солнце еще не поднялось, когда они добрались до Кумберлендской долины. Взорвавшись по склону, всадник срезал угол и попал на главную дорогу.

Ему показалось, что он угодил на сцену. Едва вывев Лу на ровное место, он увидел, как слева из-за горы выезжает не кто иной, как Уильям Кемп. Билли мог поклясться, что его сразу же заметили, но Кемп не спеша продолжал путь, не замедляя и не ускоряя шаг своего коня. Билли дважды тянулся за револьвером, и дважды его рука останавливалась. Затем он развернул Лу поперек дороги и принялся ждать. Через секунду Кемп остановил коня перед препятствием.

Сидя в седле, он казался огромным, хотя внимательный взгляд обязательно бы заметил, что по сравнению с телом ноги Кемпа были довольно короткими. Однако Билли Буэла сейчас не интересовали такие пустяки. Все его внимание сосредоточилось на лице – мудром, опаленном солнцем лице Уильяма Кемпа и его задумчивых глазах. Конечно, Буэл не имел оснований обвинить Кемпа в трусливых уловках. Но, вспомнив все, что произошло между ними, ковбой заскрежетал зубами.

Некоторое время они молча рассматривали друг друга.

Первым заговорил Кемп:

– Вижу, приятель, что тебе пришлось поупражняться в верховой езде. Рад видеть тебя, парень, невредимым после такой скачки.

– Да, мне пришлось поскакать верхом, – сурово согласился Билли. – Но я бы поездил еще, чтобы повстречаться с тобой, мой друг. Кемп, мне пришлось погонять Лу, чтобы снова увидеть тебя.

Уильям Кемп улыбнулся и кивнул.

– Спасибо за комплимент. Так что же у тебя на уме, Билли?

Юноша скривил рот.

– Полагаю, ты догадываешься, – пробормотал он. – Думаю, тебе не надо объяснять, почему я отправился вслед за тобой, а? Неужели тогда в Петервилле я говорил недостаточно громко и разборчиво? Обычно я не меняю решения без достаточно веских оснований. Кемп, я здесь, чтобы драться!

Он наклонился в седле – яркая и дикая фигура одновременно. Если бы брови Кемпа сдвинулись хотя бы на волосок, то это означало бы разговор револьверов и неизбежную смерть или две смерти на горной дороге. Наверняка Кемп понимал это, поскольку мозг Билли стал для него словно проявленной черно-белой фотографией. Но в любом случае, в его глазах не промелькнул ни страх, ни гнев.

– Я довольно терпеливый человек, – объявил он со своей обычной мягкостью. – Меня очень интересует то, что происходит в твоей голове, Буэл. Попробуй рассказать об этом просто, громко и внятно, а я послушаю. И попытаюсь понять. Это мне иногда неплохо удается. Что ты имеешь против меня? Ты примчался сюда, твои глаза налиты кровью, но почему?

Самый большой трус в горах не поверил бы, что в ответ на открытый вызов Билли Буэла могли прозвучать такие мирные слова, но Кемп не был трусом. Его взгляд остался ярким и хитрым, и он ни на секунду не отвел глаз под взглядом молодого человека.

– Что я имею против тебя? – отозвался Билли, едва выговаривая слова, вспышка гнева изменила его лицо и лоб. – Я отвечу тебе, хотя и без того уже все известно. Ты убил лошадь в наших горах. Ты морочил людям головы сказкой и себе и своим пари и подбивал их на попытку. Ты переломал кости таким парням, как Келли. Ты выпускал на волю дьявола везде, где появлялся, и в конце концов добрался до Петервилла.

Я не жалею о поединке с конем, и давно мечтал попробовать себя со всеми лошадьми, появившимися на этом свете. Но меня не устраивает твоя позиция, приятель. Совсем не устраивает. Я уверен, что твой конь – настоящий убийца, и только это имею в виду. Вопрос состоял не в том, чтобы усмирить его, а в том, чтобы не дать ему убить себя. Это ясно? И если так, то я приехал сюда, чтобы рассчитаться с тобой, Кемп, ты покушался на мою жизнь. И я уверен, что один из нас покинет это место с двумя лошадьми, и покинет его очень быстро!

Пламя терзавшего его гнева ярко отражалось на его лице. Пока Билли произносил свою речь, его голос дрожал от ярости. И тем не менее великолепное спокойствие собеседника так и осталось непробиваемым.

– Ты хочешь подраться со мной? – Кемп помолчал. – Билли, – наконец снова заговорил он, – если бы лет десять назад я услышал хотя бы половину того, что сейчас, то безусловно уже выхватил бы револьвер и началась перестрелка.

– Тогда считай, что это происходит десять лет назад, – бросил Билли сквозь зубы.

– Нет, это не так. За минувшее время я постарел и стал намного мудрее. Перестрелки не будет. И не потому, что я боюсь тебя, Буэл. Честно говоря, ты владеешь револьвером лучше всех, кого я встречал, но это не вселяет в меня страха. И ты уже это понял. – И Билли Буэл, открыто глядя в глаза собеседника, своим честным сердцем почувствовал, что в душе Уильяма Кемпа нет и тени страха. Кемп держался твердо, как скала, и его взгляд казался не менее уверенным. – Единственная причина заставила меня не потерять голову, – произнес Кемп, по-видимому посчитав молчание собеседника пониманием. – Дело в том, что ты прав! – Это признание он сделал так просто, что Билли Буэл вздрогнул. – Ты прав, – повторил Кемп. – Я путешествовал по горам с конем-убийцей. И причина моего путешествия не та, что я изложил горожанам Петервалла. Я хотел найти человека, в сердце которого нет места страху. Мне пришлось провести испытание кислотой. Как проверяют золото. Можно потратить год, чтобы найти драгоценный металл, и затем обнаружить, что это обманка. То же самое и с человеком. Мне нужен боец, настоящий боец, вот и пришлось придумать жесткое испытание. И я, кажется, нашел, что искал. Мне повезло. Тот человек, который мне нужен, – ты. Но сначала я хотел тебя испытать.

– Ты искал человека? – выдохнул Буэл. – И ты заявляешь теперь, что я тебе нужен, Кемп? И поэтому ты избрал такой зверский способ заполучить меня или кого-нибудь подобного мне?

– Именно.

– Ну что ж, считай, что я не подошел, – прорычал Билли.

На его приятном лице вновь вспыхнул румянец, он сомневался, стоит ли принимать слова Кемпа за чистую монету.

– Ты и не подошел бы, если бы не догнал меня, – спокойно уточнил Кемп.

– Единственное, что заставляет меня сомневаться в твоих словах, – заметил Билли, уже не так запальчиво и с большей долей любопытства, – это твой отъезд из городка после окончания игры. Если я действительно тебе нужен, зачем ты уехал?

– Я ни секунды не сомневался, что, как только ты поднимешься на ноги, бросишься за мной в погоню со скоростью, на какую только способна твоя лошадь.

– Но откуда бы я узнал, какой дорогой ты поедешь?

– Мне не нужен боец, который не в состоянии найти такой легкий след. Нет, я сразу понял, что ты отправишься за мной. И если бы ты не появился, я забыл бы о тебе. Я чувствовал, что ты ненавидишь меня. А мне нужен парень, который умеет ненавидеть. Ну что, сечешь?

– Пока нет, – сдался Билли, в нем оставалось все меньше и меньше злости, по мере того как до него начинало доходить, с каким уникальным характером свела его судьба. – Но я с удовольствием послушаю тебя.

– Прежде чем вытянуть револьвер? – Кемп улыбнулся и продолжил, не дожидаясь ответа Билли: – Мне нужен настоящий мужчина, воин, самый лучший в этих горах. Вот такую рыбу я ловил. Самая твердая рука, самый острый глаз, самая быстрая реакция для поединка, самая лучшая сноровка при обращении с лошадью – это ты, Билли! В горах тебе нет равных, тех, что смогли бы сравняться с тобой.

Билли Буэл вспыхнул. Конечно, эта похвала выглядела не самой красноречивой. Кемп говорил спокойно, больше как судья, чем как свидетель. Он перечислял факты, а не разбрасывался пустыми комплиментами.

– Брось эти штучки, – прервал Билли, чувствуя себя не совсем в своей тарелке, – говори прямо, для чего я тебе понадобился и почему ты так уверен, что я соглашусь работать на тебя, – я или тот человек, на поиски которого ты отправился в горы?

– Отвечу, – вздохнул Кемп. – Мне нужен такой человек, который бросит работу за миллион долларов, чтобы взяться за мое дело.

– Почему?

– Потому что каждый день работы, которую я предложу, может стоить ему жизни.

Билли Буэл разразился не совсем уверенным смехом:

– Это шутка?

– Я похож на шутника?

– Наверное, нет, но... Не знаю. Ты, на мой взгляд, довольно подозрительный человек, партнер. Надеюсь, ты неплохо заплатишь за свою работу?

– Заплачу? – Кемп переспросил так, как будто эта практическая мысль до сих пор не приходила ему в голову. – Ну конечно же, высокая плата – это само собой. Естественно, мы заплатим тебе столько, сколько ты захочешь. Какая сумма тебя интересует, Буэл?

– Для такой работы, которую ты предлагаешь... – холодно начал Билли. – Скажем, меня устроит пятьсот зеленых в неделю.

– Согласен, – мгновенно кивнул Кемп. – Договорились. Пять сотен в неделю, стол и ночлег. И лошадь, какую только пожелаешь.

Билли Буэл поморгал, подумал о деньгах, которые он получит, и снова поморгал. Но сомневаться в предложении так и не нашел повода.

– Я пойду с тобой, – решил он наконец, пытаясь рассмеяться, но попытка так и не удалась. – Я согласен на риск получить пулю в голову каждый день и пять сотен в неделю за это. Такая сделка тебе устраивает?

– Именно такая, – спокойно согласился Кемп.

– Но тогда, – вспыхнул Билли Буэл, – ты, наверное, еще хуже, чем мне показалось с первого взгляда. В твоей голове созрело новое убийство, а?

– Ты берешься за работу? – невозмутимо посмотрел на него Кемп.

– Берусь, почему бы нет.

– Конечно же берешься. В этом твоя слабость, Билли Буэл. Ты не сможешь пройти мимо опасности. Поэтому я заранее вычислил, что ты поедешь со мной. У тебя даже и в мыслях нет повернуться и сказать «До свидания!». Ты отправишься со мной и потом напишешь домой, что уехал.

Билли Буэл вздохнул:

– Я помчался за тобой, чтобы драться, Кемп, а ты предлагаешь мне работу...

- Которая тебе по душе. По рукам, Билли?
- Кемп, я только что узнал о твоём существовании и понятия не имею о твоей работе.
- Тебе не понадобится много времени, чтобы познакомиться со мной. Работу ты тоже освоишь очень быстро, на это и получаса не уйдет. Ну что, Билли? По рукам?

Билли Буэл опять попытался рассмеяться и не смог. Он попытался усмехнуться, и это у него не получилось. Он сделал попытку нахмуриться и тут тоже потерпел фиаско. В конце концов его рука медленно протянулась навстречу Кемпу.

- Пока не знаю как, но думаю, что смогу сделать то, о чем ты меня просишь.

Глава 7

Билли озадачен

Тем не менее объяснения, которого Билли ожидал, повесив уши на гвоздь внимания, не последовало. Широкоплечий Кемп болтал о чем угодно, но когда Билли намекал на самый важный для него предмет, тот легко и без трений уходил в сторону и переводил беседу на другие темы, прежде чем ковбой успевал заметить, что произошло.

– Кемп, – не выдержал Билли на следующий день, когда они медленно ехали по пыльной дороге. – Я не сомневаюсь, что ты получил неверное представление обо мне, и готов вывести тебя из заблуждения. Твоя работа подразумевает какой-нибудь тяжелый труд?

– Труд? – переспросил Уильям. – Это с какой стороны посмотреть. Но какой труд ты имеешь в виду?

– Тот, после которого невозможно разогнуть спину и выпрямить плечи, – быстро объяснил Билли. – Твоя работа что-то вроде этого, Кемп?

– Ни в коем случае. Никаких тяжестей, сынок.

Буэл вздохнул с облегчением.

– Мне очень приятно это слышать, – кивнул он. – Между нами, Кемп, я терпеть не могу тяжелую и нудную работу. Мне стыдно, но это так. Я вовсе не хвастаюсь своей ленью, но не переносю мозолей, боли в мышцах и тому подобное. Я действительно в восторге от того, что твоя работа не связана со всем этим.

И юноша рассмеялся с победным облегчением, а Уильям рассмеялся еще громче. Он принадлежал к числу тех трудяг, которые вкалывали многие дни подряд, зарабатывая вечные мозоли на жестких ладонях и морщины боли между бровей. Тем не менее честное признание Билли в приверженности лени не обидело его.

– Но как же ты умудряешься жить не работая?

– Да так как-то. Перебиваюсь по-разному. Иногда у меня есть деньги, иногда – нет. Случается, что возникают проблемы, но я с ними справляюсь.

– Ты, наверное, получил в наследство неплохую усадьбу, а? – любопытствовал Кемп, но все это время его глаза буквально сверлили лицо Буэла.

– Никакого наследства! Мне вручили только наилучшие пожелания, приятель. Впрочем, и пожелания-то не отличались особой щедростью.

– Тогда где же ты находишь легкие деньги?

– Карты. Иногда – кости или что-нибудь еще, связанное с игрой, в которой джентльмен хочет поставить деньги.

При этих словах глаза Билли вспыхнули.

– Тебе не повезло, и ты сбежал. Очень мудро, – предположил Уильям.

– Мне не повезло с девчонкой, – весело поправил Билли. – И из-за нее я сбежал.

– О! – без особого энтузиазма воскликнул Кемп. – Любовное приключение, а? Что ж, любовь делала большими дураками людей получше нас с тобой, сынок.

– Я бы не стал утверждать, что это любовь. – Юноша почесал затылок. – Затрудняюсь даже это как-то назвать. Мне хотелось сделать ей приятное, и ей хотелось того же самого. Мое пристрастие к игре было ей не по душе, и я почти сдался. И тут появился ты.

Эти слова заставили Уильяма глубоко задуматься.

– Где же эта девушка теперь? – наконец спросил он.

– На юге, – ответил Билли, веселый как никогда. – Где-то далеко на юге.

– Значит, когда-нибудь тебя потянет в ту сторону.

– Не знаю, – вздохнул юноша. – Женитьба не очень привлекает меня. Ты остепенился, Кемп, а это значит, что ты живешь в одном месте и имеешь постоянную работу. Но я не люблю работать. Мне действительно стыдно за себя. Но не это главное. Она слишком хороша для меня. Я не собираюсь крутиться вокруг нее и заставлять ее попусту тратить время. У нее есть шанс найти парня гораздо лучше меня.

– И это значит, что она любит тебя таким, какой ты есть, – без злобы подсказал его зрелый собеседник.

– Она? Понимаешь, – Билли пустился в объяснения, – так получилось, что я пару раз крепко обидел ее. Она приняла все очень близко к сердцу. У девочек всегда так. Ты обращаешься с ней так же, как обращался бы с нормальным парнем – честно и благородно, как с настоящим другом, а что получаешь взамен? Размениваешь золото на серебро, а то и на свинец. Нет, сэр, хорошая женщина слишком хороша даже для самого лучшего парня, родившегося на этой земле, а я далеко не лучший.

Погруженный в свои мысли, Билли покачал головой, не заметив, что Кемп улыбнулся едва заметной и загадочной улыбкой, как будто он мог много чего сказать на эту тему. Но он промолчал, и Билли, прочистив мозги глубоким вздохом, перешел к следующему волнующему его вопросу.

– Еще одно, Кемп. Мне кажется, что твоя работенка не совсем законна. – Он сделал паузу, полную невысказанных извинений. – Я пришел к этому выводу, поскольку убежден: все, что хорошо оплачивается, обычно находится по ту сторону закона. Уверен в этом на все сто. Сейчас я ни на что не намекаю, но обычно стараюсь не ссориться с законом и не собираюсь изменять свои принципы впредь. И если твоя работа не совпадает с моими взглядами, то мне, наверное, лучше знать об этом заранее, приятель.

Кемп на секунду задержался с ответом.

– Когда ты успел так влюбиться в закон? – наконец спросил он. – Впервые вижу парня, умело обращающегося с оружием, способного объездить все, что имеет четыре ноги, знающего свою страну и при всем этом почитающего закон. Откуда такая любовь?

– А почему ты спрашиваешь меня?

– Потому что закон любят только те, которым он очень нужен. Какой-нибудь старый джентльмен с банковским счетом, пожилой владелец ранчо, заработавший неплохое состояние, – такие люди частенько заботятся о законе. Я как-то не возьму в толк, откуда у тебя ранчо или банковский счет.

Билли Буэл хихикнул:

– Не волнуйся, я пока не обзавелся ничем подобным. Но дело вот в чем. Закон – единственное, что обеспечит тебе уверенность в жизни. Если ты даже с кем-то дружишь, это еще ничего не значит. Придет время, и вдруг твой приятель возненавидит тебя, и если решит, что это ему поможет, то всадит нож промеж твоих лопаток. Закон не такой. Относись к нему с уважением, и он ответит тебе тем же. Поссорься с ним – и он обязательно оплатит той же монетой. Кроме того, он символ старых добрых Соединенных Штатов, по крайней мере для меня. У меня нет семьи, нет младших братьев и сестер, за которыми надо присматривать, нет ни отца, ни матери, которые присмотрели бы за мной – естественно, что их мне заменяет Америка, и я трачу кучу времени, благодаря Бога за то, что родился в этой стране, и называю ее своей родиной.

Последнюю часть своей речи Билли произнес довольно смиренным, почти извиняющимся тоном, как будто сознавая, что для такого человека, как он, подобный пафос не совсем искренен, словно в одно мгновение он решил отказаться от своих принципов. Однако Кемп повернулся к нему и внимательно слушал все до последнего слова. Затем протянул руку и сжал пальцы Билли так крепко, что едва не сломал кости.

– Мы мыслим одинаково, сынок, – заявил он. – Правда, если человек прожил долгие годы, как я, то он не так уж быстро воспринимает идеи, подобные тем, что ты только что высказал. Иногда закон, о котором ты говоришь, действует как слепой и наступая на пальцы того, кого ему следовало бы поддержать. Но в общем он совершает меньше ошибок, чем один человек. Нет, не волнуйся, работая на меня, ты не будешь нарушать закон.

Пока Кемп говорил, Билли не спускал с него тревожного взгляда. Уже после первой встречи с этим широкоплечим мудрецом он испытал какой-то благоговейный страх, но ни капельки не стыдился его. Затем он погнался за Кемпом с твердой решимостью драться до конца. А потом в течение нескольких минут убедился, что тот, кого он считал недостойным жизни, очень интересуется именно им. Иногда ковбой пытался восстать против собственных слабостей духа и разума, как он в глубине души иногда характеризовал свое поведение, но независимо от того, сколько раз в день он мысленно бросал Кемпа, после холодного взгляда со стороны все же обязательно к нему возвращался.

Его манила неизвестность. Пока он не до конца понимал дела, которое предлагал ему Кемп, только обрывочные догадки порой мелькали в его голове. Определенно он представлял только то, что оно связано с оружием и лошадьми. Все остальное являлось загадкой, что и удерживало его рядом с Кемпом.

Они долго ехали в гору во время последней беседы и продолжали подъем еще около часа, пока не выбрались на ровный участок, так и звавшийся лошадей пуститься галопом. Всадники пронеслись полмили, обогнули высоченную гору, уходившую вдаль насколько хватало взгляда, и внезапно оказались в широкой долине.

Уильям Кемп сразу натянул поводья, и Билли последовал его примеру. Перед ними простилась плоская, как стол, равнина – так по крайней мере она выглядела сверху. Долина простиралась далеко на восток и на запад, горные хребты окружали это многомильное лесистое пространство с четырех сторон, на севере вздымался самый высокий пик. Билли не мог сказать, сколько миль разделяло горные хребты, но расстояние делало склоны коричневыми на солнце и лилово-голубыми в тени.

Билли повернулся к Кемпу и увидел, что лицо его проводника стало одновременно суровым и светлым.

– Полагаю, – спокойно констатировал Билли, – мы наконец добрались до твоих мест.

– Полагаю, – не менее серьезно ответил Уильям, – что ты прав. Это твое поле битвы, сынок! Оно окружено этими горами. Огляди его. Позже ты очень хорошо познакомишься с ним.

Глава 8

Кемп ненавидит

Его голос звучал торжественно и пророчески, и Билли оставалось только повиноваться.

Вся эта обширная территория казалась скорее гигантским садом, чем полем битвы в диких лесах. Юноша не смог сдержать улыбки, глядя на окружавшую красоту, но улыбка быстро сошла с его лица, когда он наконец заметил помрачневшего и ставшего серьезным Кемпа.

– Возьми для себя ориентиры, ты будешь пользоваться ими сейчас и потом, – предупредил Уильям. – На севере, вон там, пик Глостер, этого большого парня с двух сторон окружает хребет Глостер. На западе Соутар-Маунтинс, на востоке – Три Брата, видишь эти три рядом стоящие вершины, они дали название всему хребту. А вот этот пик мы зовем Лаки-Маунтинс, счастливой горой. Я не знаю почему, разве что он очень понравился первому, кто на него взобрался и увидел всю долину. Это твоя карта, Билли. Отпечатай ее в голове, и хорошо отпечатай, потому что она понадобится не раз, прежде чем ты пройдешь через долину Глостер, если, конечно, после этого еще останешься в живых.

Грубая откровенность не вязалась с обычной осторожной любезностью Кемпа, и Билли посмотрел на него с любопытством и удивлением. Любопытством, потому что он начал понимать, что Кемп ничего не делает и говорит просто так, у него всегда имелось основание для любых слов или поступков.

– Что это значит?

– Это значит, что с той минуты, как мы с тобой спустимся в долину Глостер, твоя жизнь будет в твоих руках, сынок, и ты будешь рисковать, пока не установишь мир в этих местах. Пока еще не поздно, ты можешь повернуть назад. Решай сейчас, и решай быстро. Вперед или назад?

Билли сдвинул сомбреро на лоб и почесал затылок.

– У меня есть один недостаток – любопытство. Ты вряд ли нашел бы более верный способ, чтобы разжечь во мне страстное желание спуститься в долину, чем тот, который использовал.

– Верно, сынок, – кивнул Кемп, – но я не только соблазняю тебя, Билли. Факт, мне не очень хочется, чтобы ты сильно рисковал. Я объехал все горы в поисках человека, подобного тебе, но, найдя тебя, я ощущаю себя убийцей, подставляя тебя под пули. Обычно я не говорю такого, Билли. Я не привык выбрасывать то, что с таким трудом раздобыл. Но я признаюсь, парень, мне нравится твой стиль. И я заявляю об этом прямо. Если ты спустишься вниз, у тебя будет один шанс из десяти прожить следующий год!

Билли Буэл улыбнулся:

– Спасибо за предупреждение, но я никогда не мечтал о спокойной жизни. И прежде чем умереть, мне хочется изрядно позабавиться. По мне, лучше умереть от пули молодым, чем дожить до восьмидесяти и ничего не увидеть и ничего не сделать. Поэтому кончай свои разговоры, Кемп, и объясни, что меня ждет в этой долине.

После недолгого размышления Кемп кивнул.

– Я не ожидал от тебя других слов. Это твой стиль. Ну что ж, я выложу тебе все, как есть, сынок. В этой долине когда-то обосновались две семьи. Посмотри на запад, в сторону Соутар-Маунтинс. Там хозяйничают Бенчли. В той части долины есть ранчо с большим домом и около десятка домов тех, кто на нем работает. Они немного занимаются фермерством, немного – охотой и в общем процветают. Старый Джейкоб Бенчли довольно приличный богатый ублюдок. Я ненавижу всех их, начиная с Джейка, ненавижу их самих и все, что принадлежит им. – Он почти прорычал эти слова, его ненависть хлынула таким бурным потоком, что Билли показалось – еще секунда, и она захлестнет и его. – А вон там на востоке, – продолжил Кемп,

и теперь его голос вдруг стал мягким, а в глазах загорелся свет, – там на востоке обитают Кемпы. Это моя семья. Кемпы, Мартины, Уокеры и остальные, все они мои люди, да благословит их Бог. Это честные и порядочные люди, Билли, к таким очень быстро привязываешься. Они думают то, что говорят, а говорят то, что думают. Это крепкие парни, сынок, они больше дерутся, чем едят, и больше едят, чем спят. Если они пожали тебе руку, то никогда не забудут об этом. Но если ты столкнешься с ними, они не забудут и этого. Если они полюбят тебя как брата, считай, что их жизнь и деньги принадлежат тебе. Но если возненавидят как змею, тогда ничто не остановит их стремления избавиться от тебя. Таковы Кемпы. Кровь Кемпов напоминает магнит – она удерживает нас всех вместе. И за этих парней ты будешь сражаться! Это мои друзья, и они станут твоими друзьями, Билли Буэл, если ты поскачешь дальше вместе со мной!

– Звучит довольно заманчиво, – торжественно вымолвил Билли. – Мне кажется, что вместе у нас неплохо получится.

– Но еще раз взгляни на запад на подножие Соутар-Моунтинс. – Голос Кемпа снова стал необычайно твердым. – Там – Бенчли. Итак, сынок, только одно имеет значение. Когда Кемп встречает Бенчли, последний превращается в труп, и это главное для Кемпа. И еще одно. Бенчли снимают шляпу перед членом своего клана, когда тот встретил Кемпа и убил его. И вся долина Глостер – поле битвы. Но я расскажу тебе, почему мы начали ненавидеть друг друга. Правда, это долгая история. Не хочешь ли слезть с лошади и отдохнуть немного?

– Подобные истории я предпочитаю слушать, сидя в седле, – задумчиво произнес Билли. – Так до меня лучше доходит.

Кемп печально улыбнулся:

– Ну хорошо. Все началось очень давно. Мы жили рядом, Кемпы и Бенчли. Между нами говоря, мы первые пришли в эти края. Если для Бенчли выпадала тяжелая зима, мы помогали им и если у нас не хватало зерна для посадки, то Бенчли без слов открывали свои амбары. И никто не считал, кто кому должен. Все происходило по доброй воле и без всяких там условий. Ты согласишься, что такие отношения должны быть нормой для тех, кто пришел осваивать Запад.

– Несомненно, – согласился Билли с должной торжественностью.

– Хорошо, – продолжал Кемп. – Так случилось, что Джо Бенчли и Лью Кемп стали закадычными друзьями. Они вместе охотились и вместе ездили верхом. И вместе ходили на танцы. И черт бы меня побрал, если бы они не влюбились в одну и ту же девушку. Ее звали Маргери Мур, и она на самом деле была очень хорошенькой. Ее считали самой милой во всей долине Глостер. Итак, они влюбились в одну и ту же девушку... Нет, и не думай – несмотря на это, их дружба осталась незыблемой. Черные глаза Маргери Мур не смогли посорить Джо Бенчли и Лью Кемпа.

Очень скоро она решается и делает выбор, и ее выбор – Лью. Но и тогда Джо не повел и глазом. Он просто нашел свое лекарство, скажем так, и перестал посещать Маргери субботними вечерами и по воскресеньям, полностью открыв дорогу для Лью. Очень скоро Маргери и Лью договорились о дне свадьбы, а некоторое время спустя Джо Бенчли ненадолго исчез, чтобы затем вернуться и сообщить, что он тоже собирается жениться. Черт бы его побрал, и он назначил свадьбу на тот же день, что Лью Кемп, в той же самой церкви, у одного и того же священника. Девушка Джо оказалась очень похожа на Маргери Мур, разве что немного сутуловата. Те же темные брови и волосы, та же чистая кожа и темно-синие глаза – вот, что привлекло ее жениха. Всем стало ясно, что Джо выбрал себе невесту по образу и подобию Маргери. Девушку звали Элис Клод. А свадебный обед две пары решили объединить.

Совместную жизнь они тоже начали вместе. Две пары отправились в горы, расчистили два участка земли и поставили свои хижины, постоянно помогая друг другу. После этого они зажили, как одна большая семья. На них было приятно посмотреть, и я часто ездил к ним в гости и заставлял всех четверых сидящими под деревьями и ведущими бесконечные разговоры.

Элис и Маргери тоже подружились, но дружба Маргери была более искренней. А Элис очень быстро поняла, что она вторая по выбору и что ее взяли только потому, что она оказалась похожей на Маргери. Но все это ее не очень взволновало, к тому же она не обращала особого внимания на подобные вещи.

Вот так все шло своим чередом. Но очень скоро, в середине зимы, до нас дошли важные и плохие новости.

Женщины вздумали рожать одновременно. Джо и Лью посоветовались, кого отправить за помощью, и жребий пал так, что Джо Бенчли остался дома, чтобы помочь, если вдруг придется, а Лью помчался во весь опор за доктором.

Итак, Лью оставляет Джо и уносится, не жалея коня.

Он очень скоро возвращается, но уже слишком поздно. Один ребенок умер. Элис Бенчли держала на руках маленькую дочь.

Конечно же Маргери и Лью едва не сходят с ума от горя, и Джо с Элис успокаивают их, как могут. Еще пару лет они живут бок о бок. Но когда маленькая Нелл Бенчли, это самое милое существо на земле, начинает ходить, то бедные Маргери и Лью не выдерживают. Они не могут видеть каждый день играющую малышку, бросают свой дом и переезжают на другую сторону долины Глостер. – Кемп замолчал, и Билли показалось, что какое-то очень глубокое чувство начало душить его, перехватив дыхание. Имея опыт жизни с людьми скалистой пустыни, людьми честными и простыми, людьми с крепким сердцем, Билли понял, что Кемп сейчас собирается рассказать о том, что перевернуло всю его жизнь. Через несколько секунд внутреннее смятение угасло, и Кемп с обычным внешним спокойствием продолжил: – Ну вот, так прошло почти десять лет. И все это время Джо и Лью продолжали часто видаться, хотя женщины уже находили очень мало общего.

Однажды Джо приехал повидать Лью – ведь они так и остались друзьями. Лью как раз рубил лес, собираясь расчистить еще один участок земли. Джо не раздумывая взял топор и принялся ему помогать. Итак, они проработали вместе добрые полдня, затем отправились в дом и занялись приготовлением обеда, потому что Марги как раз отсутствовала. После обеда они снова отправились на работу и взялись за большую сосну. Работа подходила к концу, когда резкий порыв северного ветра неожиданно повалил дерево, и оно обрушилось на Джо Бенчли.

Он лежал, рыча от боли и понимая, что удар оказался роковым, а Лью Кемп работал как бешеный, пытаясь освободить его от веса огромных ветвей. Очень скоро Лью вытащил своего друга на открытое место и увидел, что Джо довольно крепко досталось, ноги бедняги оказались раздробленными, а грудь превратилась в страшную впадину.

Лью начал перевязывать пострадавшего, насколько он это умел, но очень скоро Джо сделал ему знак, приглашая наклониться поближе.

«Лью, – прошептал Джо, – похоже, я сейчас отдам концы».

«Какого черта, – ответил Лью, – по-моему, ты еще поживешь, старик».

На самом деле он, конечно, понимал, что Джо больше не жилец.

«Я умираю, – возразил Джо. – Но перед смертью мне надо кое-что тебе сказать. Лью, я грязная свинья. Мы были друзьями, но я совершил ужасный поступок».

Лью подумал, что Джо бредит, как любой умирающий, но Джо продолжал говорить, и очень скоро его слова заставили Лью вытаращить глаза.

«Лью, вспомни день, когда родилась Нелл».

Лью издал стон.

«Я возвращался в этот ад множество раз, не заставляя меня спускаться туда сейчас».

«Я знаю, что это ад для тебя, но тебе придется еще раз побывать в нем, потому что на этот раз я сделаю тебя счастливым. Правда, ты будешь ненавидеть меня до конца своих дней, Лью... Хочешь ли ты, чтобы малышка Нелл стала твоей дочерью?»

«Хочу ли я райского блаженства? – переспросил Лью, и его сердце едва не выпрыгнуло из груди. Надо заметить, что в то время Нелл уже исполнилось одиннадцать, и она превратилась в самую славную черноглазую девочку во всей долине Глостер. Любой взрослый мужчина после единственного взгляда на нее мучился от жестокого желания иметь такую женщину, у любого мальчишки кружилась голова только от мысли, что она может стать его девушкой. – Хочу ли я райского блаженства?» – еще раз повторил Кемп, вспоминая долгие вечера, проведенные в доме наедине с женой, которая уже больше не могла иметь детей.

И в это мгновение Джо едва слышным голосом произнес:

«Лью, она принадлежит тебе!»

Лью замер, словно пораженный громом. Он отпрянул назад и затем снова упал на колени рядом с Джо.

«Бога ради, Джо, говори медленно и тихо, говори, я пойму тебя. Ты что, бредишь?»

«Я только пытаюсь найти в себе мужество закончить то, что начал, – ответил Джо Бенчли. – Но я сейчас умру, Лью, и мне надо сказать это, чтобы спасти свою душу от адского огня. Лью, девочка – ваша дочь, твоя и Марги... Она не моя! – У Лью перехватило дыхание. Он мог только молча смотреть на Джо. – Это правда, – подтвердил умирающий. – Неужели ты такой слепой и, глядя на ребенка, ни разу не увидел глаза твоей жены?»

«У моей жены голубые глаза, – задыхаясь выпалил Лью. – Глаза у Марги темно-голубые, да, но у твоей жены точно такие же глаза – это глаза Элис!»

«У Элис голубые глаза... Какая тут разница? Небо голубое, и море тоже, но неужели у них одинаковая голубизна? Голубизна глаз Элис не имеет ничего общего с голубизной глаз Марги! Ничего общего, Лью! Господь свидетель, я видел это тысячу раз, дружище, и тысячу раз я удивлялся, почему ты ничего не замечаешь!»

«Джо, ты просто сошел с ума!» – не выдержал Лью.

«Послушай, – продолжал Джо Бенчли. – Я на пороге смерти, Лью. Я чувствую, как она подбирается ко мне. Ночь проплывает перед моими глазами, и деревья качаются, словно от сильного ветра, это смерть, Лью. Так что слушай меня внимательно, и верь каждому моему слову, как Святому писанию.

В тот день, когда родились дети... да, это был ужасный день, Лью. Две женщины стонали от боли – моя жена, которую я любил, и твоя жена, которую я любил намного больше, но не смел и подумать о том, чтобы допустить что-то во вред тебе, – обе они стонали и звали на помощь. Я не знал, что делать, только следовал их словам, но они уже бредили. Я старался и, бегая взад-вперед, выполнял их приказы. Мне казалось, что они обе собираются умирать. Никакой мужчина не выдержал бы такого. У меня осталось только одно желание: пусть умрут эти дети, но женщины останутся в живых.

В конце концов все кончилось. Я увидел лежавшую Элис и рядом с ней – мертвую девочку – мертвую! Ее сердце не билось, она не дышала. А возле твоей жены, Марги, шевелился живой ребенок – обе женщины были совершенно беспомощны, они лежали в глубоком беспамятстве. Мне сейчас больно от того, что я принес горе тебе и Марги. Но я всегда любил Марги. Неужели ты думаешь, что моя любовь исчезла, когда я оставил ее и нашел себе другую девушку? Я сделал это не потому, что любил эту девушку, а чтобы спасти свое разбитое сердце. Я уговорил Элис, и она поверила мне. Женщина, которая любит мужчину, всегда на девять десятых верит ему. Так и случилось. Я сказал ей, что она мне нужна, а она посчитала, что я сказал, что люблю ее. Поэтому она вышла за меня замуж и все так получилось.

Но когда я вспоминаю тот день, Лью, мое сердце начинает бешено колотиться. Мне показалось, что я отец маленькой девочки Марги. Я полюбил ее! Если бы тогда мне пришлось выбирать между Марги и Элис, я бы не задумывался долго. Я бы попросил Господа оставить жизнь твоей жене, Лью, а моя пусть умрет. Но я увидел также мертвого ребенка, моего ребенка, и живого ребенка – твоего и Марги. И я не выдержал такого испытания. Ты получил все, а

я ничего. И я поклялся себе, что буду любить эту малышку так крепко, что она не заметит утраты – утраты настоящего отца и настоящей матери. Поэтому я просто взял ее и положил рядом со своей женой, а своего бедного мертвого ребенка – рядом с Марги... Я принес ей горе на все эти годы своим желанием иметь ее ребенка рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.